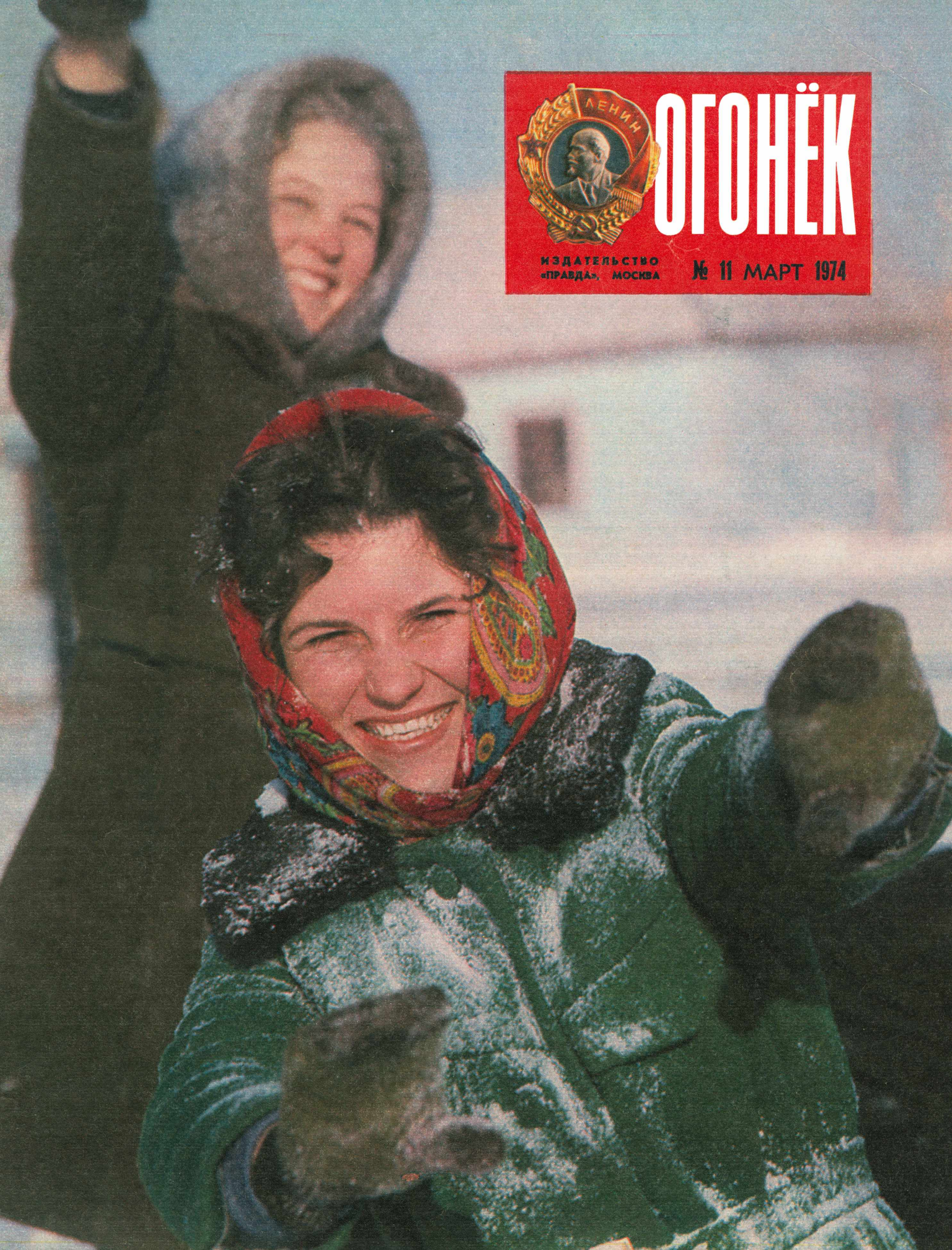

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 11 МАРТ 1974

Снежная страда.

20-летие начала освоения целинных и залежных земель

СТЕПНЯКИ

Б. СМИРНОВ
Фото Э. ЭТТИНГЕРА.
Специальные корреспонденты «Огонька»

Директор совхоза А. И. Игнатович.

Двадцать лет назад приехал в совхоз «Кулундинский» тракторист Александр Снурницин. А Коля Воронин, тоже передовой механизатор, родился уже здесь, на целине.

Порывы ветра выдували с обочин пригоршни снежной крупы, размашисто разбрасывали ее по дороге подвижными белыми языками. Цепляясь за комья земли, рассыпаясь и исчезая, снежные буруны катились по всей шири степного проселка. Дорога лежала бесснежно-черной лентой.

— Вот так и на полях было: среди зимы — бесснежье, все кругом черно от голой земли. Начисто поля выдувало...

Анатолий Иванович Игнатович, кандидат сельскохозяйственных наук, директор совхоза «Кулундинский», следил, щурясь от солнца, за набегающей поземкой. Ветер гонял ее лишь над дорогой, а вокруг, на полях, снег лежал ровной белой пеленой.

— Хотите посмотреть, чем мы останавливаем выдувание? Тогда пойдемте! — предложил Анатолий Иванович.

Мы перебрались через обочину, зашагали по снежной целине. Ноги проваливались чуть выше щиколоток, под подошвами скорее чувствовалось, чем слышалось, легкое похрустывание: это ломалась заметенная стерня.

— Сохранение стерни — самое первое условие снегозадержания. Но одной стерней здешнего бурана не осилишь. Вот видите засохшие стебли горчицы. Здесь снег еще глубже, правда? Это так называемая кулиса. Система таких кулис перегораживает поле — и снег частично задержан. Частично, а нам нужно задержать его полностью, потому что летом в Кулундинских степях на дожди надеяться не приходится. Итак, стерня — раз, кулисы — два... Теперь видите — валик из снега? Работа трактора, вернее, плуга-снегопаха. Это уже третий способ борьбы с выветриванием. А вот и четвертый...

Мы завязли в снегу перед тройной стеной молоденьких берез. Даже ветер здесь был гораздо тише, он, как в гребенке, путался в частоколе березовых стволов, терял свою силу и оставлял на земле космы островерхих сугробов. Лесополосы пересекались, образуя клетки полей, и снегу уже не под силу было вырваться из этих ажурных березовых клеток.

— Так мы и боремся с ветром: зимой с буранами, летом с суховеями, — продолжал рас-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 11 (2436)

9 МАРТА 1974

Свободы и Возмездия!

Н. ПАСТУХОВ

Прошло пять месяцев с того черного дня, когда во дворец «Ла Монеда» ворвались бандиты. Кровью патриотов залита земля Чили. Страна превращена в концентрационный лагерь. За решеткой томятся лучшие сыны и дочери чилийского народа.

В лагере смерти на острове Досон заключен видный деятель международного коммунистического движения товарищ Луис Корвалан. Воля этого человека, полного личного обаяния, мужественного и несгибаемого борца за интересы своего народа, не сломлена. «Пламенный Лучо», как его называют чилийские коммунисты, полон веры в светлое будущее и торжество справедливости. Недавно товарищ Луис Корвалан заявил бразильскому журналисту, чудом проникшему на остров Досон:

— Я люблю свободу, и меня не пугает тюрьма. Совесть моя чиста, я не боюсь смерти...

Но Луис Корвалан не одинок. Сегодня к его судьбе и других патриотов Чили, над жизнью которых нависла смертельная опасность, приковано внимание всех честных людей планеты независимо от их социального положения и идеологических взглядов. Во всемирном движении солидарности с патриотами Чили участвуют в эти дни рабочие и молодежь, юристы и писатели, деятели искусства и профсоюзов, коммунисты и социалисты, социал-демократы и либералы, христианские демократы и представители других политических направлений.

По призыву Всемирного Совета Мира с 25 февраля по 3 марта во всех странах была проведена неделя борьбы за освобождение Луиса Корвалана и других чилийских патриотов. Горячие чувства солидарности советского народа с патриотами Чили выразил на митинге в Гаване Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

В подлинный суд над чилийской хунтой вылилось заседание комиссии ООН по правам человека. В создавшейся обстановке первостепенная обязанность комиссии и Организации Объединенных Наций в целом, заявили на заседании представители социалистических стран, состоит в том, чтобы немедленно принять меры для спасения жизни чилийских патриотов. С гневным осуждением террора чилийской хунты выступила в комиссии вдова Сальвадора Альенде.

— Я прибыла сюда, — сказала Ортенсия Альенде, — как представитель Международной демократической федерации женщин. Я прибыла сюда как представитель тысяч вдов и сирот...

Ортенсия Альенде обратилась с призывом к ООН положить конец трагическому положению в Чили, немедленного освобождения Луиса Корвалана, Клодомиро Альмейды, Хосе Тоа и других видных политических и общественных деятелей Народного единства, брошенных в лагеря смерти.

Люди доброй воли всей земли требуют свободы патриотам Чили, сурового возмездия фашистским бандитам — виновникам кровавой трагедии чилийского народа.

Массовый митинг в Лиме — столице Перу. На транспаранте слова: «Долой фашизм в Чили!»

сказывать директор.— Особенно страшны в Кулунде летние суховеи: они уже не снег сдувают с полей, а саму землю, верхний плодородный слой почвы. И мы объявили засухе и ветрам войну. Теперь в нашем арсенале много, так сказать, разного оружия: лесополосы, строгая система севооборота, орошение, травосеяние, специальные машины и агрегаты, а главное — большой опыт обработки этих земель. Опыт — вот чего нам в первые годы больше всего недоставало...

...Шел 1954 год. По всей стране звучала в ту пору популярная песня: «Едем мы, друзья, в дальние края...» Ее пели в райкомах комсомола, получая путевки на целинные земли, пели в уходящих на Алтай и в Казахстан эшелонах целинников. И мало, очень мало кто из будущих новоселов по-настоящему понимал, что кроется за простыми и привычными словами «земля», «хлеб», «поле», тем более что земля их ждала нетронутая, незнакомая, целинная.

Анатолий Игнатович, вчерашний школьник из Злынки, Брянской области, о сельском хозяйстве тоже имел самые туманные представления. Но слово «целина» в то время обладало поистине магической силой, и эта сила единого порыва заставляла ребят покинуть свой дом, родных, привычные дела, менять жизненные планы и устремляться в незнакомые края. Игнатович поехал на целину сам, без путевки, в обычном поезде, и если бы кто-то сказал ему тогда, что со временем он станет видным специалистом земледелия, директором огромного хозяйства, паренек в ответ просто расхохотался бы.

В жизни все оказалось гораздо ярче, чем это рисовалось в планах, и в то же время намного труднее. Алтайская целина встретила его невиданным размахом дел. Десятки тысяч молодых ребят со всех концов страны, целые колонны комбайнов, тракторов, автомашин, бескрайние поля. Но были и временные жилые вагончики-балки, глинобитные домики, перебои в снабжении, были злые степные бураны. Под вой ветра часто снились ему далекие брянские перелески...

Игнатович стал работать в МТС, поступил в училище механизации. Потом кабина трактора, мостик комбайна и снова учеба, на этот раз на дневном отделении Новосибирского сельскохозяйственного института. Получив диплом, он вернулся на целину, потому что считал уже ее своим домом. А в доме очень нужны были хозяйские, умелые руки...

— Плохо мы знали тогда эту землю, не понимали ее,— продолжал А. И. Игнатович,— механически повторяли здесь те способы обработки полей, к которым привыкли у себя, в европейской части страны. А Кулундинские степи требовали особого подхода. Знаете, как называются эти места? Зона рискованного земледелия. Годовая сумма осадков всего 180—300 миллиметров, снежный покров незначительный, почвы бедные, подвержены интенсивному выветриванию... А мы эту землю гусеницами тракторов размололи, перепахали от края до края да еще перевернули стерней вниз — так, как у нас в европейской зоне испокон веков пахали. Первые годы, правда, урожаи на наших целинных землях были довольно высокими, но потом стали падать. Беда пришла в шестьдесят третьем году. Как раз к посевной меня направили в совхоз «Кулундинский» агрономом, и тут все началось...

Я понял, почему Игнатович иногда посматривал в ту сторону, где над снегами висело желтоватое зимнее солнце: из глубины полей к нам приближалась урчащая оранжевая точка. Вскоре мощный «Кировец» остановился неподалеку от директорского «газика», из высокой кабины выбрался тракторист. Игнатович торопливо зашагал навстречу.

— Как там со снегом?

— Маловато в этом году, сантиметров пятнадцать будет.

— Удобрение всё вывезли?

— Последние машины идут. Теперь, перед буранами, успеть бы побольше снега задержать, а у нас снегопахи малозахватные,— кивнул тракторист на прицепленный к «Кировцу» снежный плуг,— надо бы переоборудовать.

— Мастерские обещали на днях все сделать... Знакомьтесь, один из наших лучших трактористов, Федор Васильевич Князев! — представил Игнатович.— Самый первый кулундинский целинник, с первым эшелоном сюда прибыл. Откуда ты, Васильич, из-под Пензы, кажется? Он, Князев, уже тогда, в пятьдесят четвертом, был отменным трактористом, многих здесь пахать научил.

— Все мы здесь учились! — весело уточнил тракторист.— Я никогда таких полей не видел: тянешь, тянешь одну борозду целый день — и конца ей не видишь!

— А на «Кировец» Князев тоже первым перебрался. Сначала совхоз направил его в Ленинград, на завод, новую технику осваивать. Когда прибыли эти тракторы сюда — весь народ высыпал в поле на них смотреть,— рассказывал Анатолий Иванович.— Для нас это была настоящая революция в земледелии: такие мощные тракторы, а главное, колесные! Мощный трактор позволяет делать меньше проходов по полю, резина не так крошит землю, как стальные гусеницы. Да, шестьдесят третий научил нас беречь землю. Помнишь, Васильич?

— Такое не забудешь,— вздохнул Князев,— солнца не видели, день в ночь превратился. Трактор идет, а человек впереди дорогу ему указывает...

Такие плакаты с портретом Луиса Корвалана вывешены сегодня на улицах Парижа.

Митинг во Дворце культуры московского металлургического завода «Серп и молот».

Митинг в Мюнхене, на котором выступает дочь убитого хунтой президента Чили Беатрис Альенде.

Фото ТАСС.

Ветры в том году разыгрались с зимы. Сначала сдуло с полей весь снег, потом в воздух поднялась земля. Весна не принесла облегчения — с юго-запада, из глубин Казахстана, примчались горячие суховеи. Тучи пыли обрушивались на поселки, дома засыпало чуть не по крыши. А на полях, на перепаханных и беззащитных от ветра полях, остался только песок... В тот год пришлось вычеркнуть из посевных списков тысячи гектаров земель. На следующий год беда повторилась.

— Все наши проблемы тогда свелись к двум самым важным: как сохранить землю? Как восстановить ее плодородие? Это было делом государственного значения,— вспоминал Игнатович.

Мы возвращались к центральной усадьбе совхоза. Директор много курил — пачки сигарет, купленные утром, лежали прямо на полу «газика». Видно было, что даже память о тех годах давалась директору нелегко.

— Конечно, в первую очередь все зависело тогда от нас самих — от парторганизации совхоза, от крепкого коллектива, который сумел создать первый совхозный директор Емельян Иванович Емельяненко. Только одинокими в беде мы не остались. Алтайский крайком партии, ученые, лучшие земледельцы разработали неотложные меры помощи пострадавшей земле. Большое содействие оказало нам государство.

У нас в совхозе, в самом очаге ветровой эрозии, обосновалась Алтайская агролесомелиоративная и лесная опытная станция, была создана научно обоснованная система севооборота. Посевы и пары решено было размещать по полосам — такого в Западной Сибири еще никто не делал. И плуги у нас появились новые, плоскорезные, по канадскому образцу. Сначала как-то странно было смотреть: проходит плуг, а земля за ним вроде и не пахана, вся стерня наружу торчит, остатки соломы... Первый раз только одна Новознаменская бригада обработала так часть земли — урожайность у них сразу поднялась на несколько центнеров с гектара! Тут уж мы и сами стали придумывать. На сошниках сеялок установили вместо заводских специально изготовленные стрельчатые палки, переоборудовали часть агрегатов, скомбинировали их так, чтобы несколько операций одновременно выполнялось: и предпосевная обработка, и посев, и внесение удобрений, и прикатывание. Трактор уже не утюжит поле, не размалывает землю, а только один раз проходит. И стерня сохраняется, и сроки сева сокращаются, а главное — ветры уже не могут, как раньше, землю выдувать. Для зимних ветров стали высаживать кулисы из горчицы — вы видели, как они снег собирают. Но это только часть дела... Вот хотя бы дороги. Летом на них столько пыли — задохнешься, их много тут, в полях почти шестьсот километров дорог. И каждая — очаг ветровой эрозии. То же самое — поселки, фермы, пастбища... Стали мы обочины и все территории вокруг построек многолетними травами засевать. А где семена трав взять? Пришлось для них часть площадей выделить. Потом это на качестве пастбищ и на продуктивности животноводства очень хорошо отразилось... И сразу же приступили к закладке лесных полос. Ясно было, что природу степи можно коренным образом изменить только с помощью, как говорят журналисты, «зеленого друга». Ученые и специалисты составили проект защитных насаждений по всей территории совхоза. Люди стали учиться сажать лес — дело-то совсем новое! По улицам, у домов высаживали деревья. Саженцы издалека везли, тополиные ветки резали — всё в землю! И зазеленела наша степь...

Подсчитали вот, если все наши посадки в одну линию сейчас вытянуть, то получится полоса в две тысячи километров!

Мы все, кто был в машине, невольно повернулись к окнам. Окрепшие восьмилетние березы то приближались к самой дороге, то уходили вдаль четкой темной каемкой. Может, уже и не степью, а лесостепью стала Кулунда? Говорят, человек не зря прожил жизнь, если посадил дерево. Какой же мерой надо ценить каждую березку, каждый тополь и вяз в этих суховейных краях!

...Остаток пути директор молчал, смотрел в окно, прикуривал сигарету от сигареты. Финал истории возрожденной земли мы уже знали: семь лет, как совхоз «Кулундинский» получает устойчивые, постоянно растущие урожаи пшеницы, достигающие уже в среднем по 17—18 центнеров с гектара. Окрепло животноводство, прибыль совхоза перевалила за два миллиона. За три года продано 506 тысяч центнеров зерна — это выше совхозного пятилетнего плана. С ветровой эрозией, можно сказать, покончено навсегда, опыт совхоза широко распространен по всем степным алтайским хозяйствам. Не только с Алтая, со всего Союза приезжают сюда земледельцы-степняки на конференции и семинары.

...Мы прощались с директором — он спешил встретить каких-то гостей, потом в мастерские, потом на строительство животноводческого комплекса и по другим нескончаемым директорским делам. Зимний день короток.

— Не снятся больше брянские леса? — в шутку спросил я напоследок у Игнатовича, но он ответил серьезно:

— Нет. Не снятся. У земледельца дом может быть только один — там, где он трудится. Это ведь и по-человечески просто интересно: изучать землю, накапливать знания, пробовать что-то новое, все время искать... А потом видеть, чем ответит тебе земля.

АЗИИ — МИР

Юрий КОРНИЛОВ

Активное осуществление советской Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, содействует новым важным переменам обстановки в Азии. Опираясь на помощь социалистических государств, на солидарность всех миролюбивых сил, одержал историческую победу героический вьетнамский народ. Важным фактором упрочения мира в Азии и за ее пределами стала крепнущая советско-индийская дружба. Новой яркой страницей этой дружбы стал недавний визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Индию. Углублению разрядки служит благоприятное развитие советско-японских отношений. Эти и другие факторы создают предпосылки для дальнейших конкретных шагов по упрочению мира в Азии.

Азия, как и Европа, хорошо знает, что такое война: ведь история Азии — это и пепел Хиросимы, и беззаветное мужество Вьетнама, и воронки от бомб на дорогах Кореи. Вполне закономерно, что на азиатском континенте все более широкую поддержку находит глубоко миролюбивая инициатива СССР по созданию в этом районе системы коллективной безопасности. Такая система, охватывающая все без исключения азиатские государства, означала бы, что взаимоотношения этих государств основаны на доверии и взаимопонимании, что каждой стране, каждому народу гарантированы все условия для свободного развития и национального возрождения. Выступая на днях в парламенте Индии, министр иностранных дел Сваран Сингх приветствовал предложение Советского Союза о создании системы коллективной безопасности в Азии, подчеркнув, что это хорошая идея, которая должна быть обсуждена всеми заинтересованными сторонами.

О том, что тенденции к упрочению мира в Азии крепнут, набирают силу, убедительно свидетельствуют и многие другие факты. Недавно мир облетела весть о том, что правительство Пакистана официально признало Народную Республику Бангладеш. Примирение этих двух крупнейших мусульманских государств, происшедшее на конференции глав государств и правительств мусульманских стран в Лахоре, с полным основанием расценено повсюду как важный вклад в дело нормализации и мирного сотрудничества на южноазиатском субконтиненте.

В свое время образно говорили, что если голова капитализма находится в Европе, то его брюхо покоится на тучных полях Азии и Африки. Эти времена навсегда в прошлом: наступил такой исторический этап, когда империализм не может больше набивать свое ненасытное чрево за счет народов развивающихся стран. Но империалистические державы не примирились с утратой бывших колониальных владений, они стремятся сохранить плацдармы для грабительской деятельности монополий, опутать молодые государства паутиной военных блоков, сетью милитаристских баз, воспрепятствовать разрядке напряженности. Разве не об этом свидетельствуют, скажем, попытки Пентагона создать крупную военно-морскую и военно-воздушную базу в центре Индийского океана, на острове Диего-Гарсия? Цели этого милитаристского замысла, который осуществляется под прикрытием дымовой пропагандистской завесы о мифической «советской угрозе», очевидны: достаточно вспомнить о рейдах кораблей американского 7-го флота к берегам Народной Республики Бангладеш, когда ход событий в этой стране пришелся не по вкусу Вашингтону, или же «демонстрации силы» у берегов арабских государств в период кризиса на Ближнем Востоке...

Американский журнал «Ньюсуик» сообщил на днях, что перед тем как приступить к созданию военной базы на Диего-Гарсия, Соединенные Штаты «заручились молчаливым согласием Пекина». Сообщение характерное! Оно еще раз подтверждает, что антисоветизм пекинского руководства, приведший к постепенному слиянию его интересов с интересами международного империализма, объективно превратил Китай во врага национально-освободительных движений, в ярого противника дальнейшей разрядки международной напряженности. Поддерживая, по существу, милитаристские устремления Пентагона в районе Индийского океана, маоисты лишний раз демонстрируют, что в своей великодержавной внешней политике они смыкаются с реакционными силами империализма.

Происки врагов мира, несомненно, осложняют практическую работу по обеспечению безопасности азиатских народов. Но примечательно то, что ныне, когда в мире все сильнее ощущаются теплые ветры разрядки, идея упрочения мира в Азии, создания в этом районе системы коллективной безопасности день ото дня обретает все новых сторонников. Для миллионов людей становится все яснее, что действительный путь к безопасности в Азии — это не путь военных блоков и группировок, не путь противопоставления одних государств другим, а путь добрососедского сотрудничества всех заинтересованных государств.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Регистрация безработных.

УВОЛЬНЕНИЯ С РЕВЕРАНСАМИ

У слесаря-инструментальщика одной из фабрик в Золингене Готфрида Мюллера 2 ноября 1973 года было отличное настроение. На то были веские причины: в этот день утром Мюллер получил от отдела кадров почетный диплом за безупречную 25-летнюю службу. И еще Мюллеру сказали: «Премию — 650 марок — и памятный сувенир вы получите позже». А тут еще фотографы щелкали затворами. Мюллер и шеф по кадрам улыбались в объективы...

Однако через час им было уже не до улыбок: 585 рабочим вручили уведомление об увольнении — фирма обанкротилась, фабричные ворота закрываются...

Шквал безработицы, обрушившийся на страны Западной Европы, сотрясает Федеративную Республику Германии. По данным федерального бюро по труду, за первые 10 месяцев прошлого года число безработных в стране с 208 тысяч подскочило до 331 тысячи, а к концу 1973 года эта цифра перевалила за 400 тысяч (при этом здесь не учитываются сезонные рабочие). Специалисты предсказывают, что в 1974 году общее число безработных в ФРГ может дойти до 700 тысяч и более. Западногерманский журнал «Квик» пишет по этому поводу: «Массовые увольнения на заводах Ханомаг, Тиссен, Лейц и «Триумф» напугали миллионы работающих. Фирмы, считавшиеся раньше абсолютно надежными, например, Хубманн, Хеба, Ролу и Золингенская инструментальная фабрика Готта, сегодня банкроты. Каждый спрашивает себя: что случилось с нашей экономикой? И прежде всего: что случилось с нашими рабочими местами?»

Журналисты утверждают, что ныне в ФРГ не только рабочим, но и людям с высшим образованием не гарантировано сохранение рабочего места в течение всей жизни. Только в Баварии в сентябре прошлого года насчитывалось 770 безработных математиков, инженеров, химиков и физиков. В учетных листах Франкфуртской биржи труда появляется все больше имен экономистов, администраторов, психологов и социологов.

Особенно сильно задета безработицей текстильная и легкая промышленность. Только в 1973 году закрылось 200 предприятий, была уволена 31 тысяча человек. В октябре 44 760 работающих в этих отраслях были переведены на укороченный рабочий день.

Возникший энергетический кризис, конечно, нельзя сбрасывать со счетов при определении причин лихорадки в экономике, бесчисленных банкротств и пополнения армии безработных. При этом наиболее дальновидные обозреватели, отказываясь от критики по адресу арабских стран, придерживаются мнения, что именно кризис помогает концернам взвинчивать цены и разорять мелкие фирмы, объявляющие о массовых увольнениях. Крупные воротилы промышленного комплекса не прочь погреть руки на кризисе.

Капиталисты увольняют, но — с заверениями в лучших чувствах. Например, рабочие получат пособие. «Для похорон слишком много, а для пропитания слишком мало»,— так обычно горько шутят по поводу пособий жены безработных в ФРГ. На некоторых заводах и фирмах организуются с большой помпой бюро учета и посредничества для уволенных рабочих, в других местах шаркают ножкой иначе, но суть остается одна: главное, чтобы у рабочих создалось впечатление, что их интересы близки предпринимателям. Страницы газет и журналов, исторгающих сочувственные вздохи, заполнены многочисленными советами психологов для домохозяек, чьи мужья потеряли и работу и надежду на нее: ни в коем случае не унижайте безработного мужа, не превращайте безработного мужа в кухарку, это отяготит его положение, и так далее...

Калейдоскоп составили Г. Налесный и Ю. Свердлов.

ЕЖДУ

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ «СЕРРО ДЕ ПАСКО»

1974 год принес перуанскому народу осуществление давней его мечты. Была национализирована американская компания «Серро де Паско», 71 год грабившая природные ресурсы Перу. После того, как перешла под контроль государства вся собственность компаний «Интернэшнл петролеум компани», ИТТ, «Серро де Паско» оставалась единственной крупной иностранной компанией в Перу, занимавшей прочные и сильные экономические позиции в стране. Достаточно сказать, что третья часть всего экспорта минеральных богатств Перу находилась в руках «Серро де Паско». Заботясь лишь о получении прибылей, компания подвергала жестокой эксплуатации рабочих, выплачивая им за тяжелый труд нищенскую зарплату. Она нисколько не заботилась об охране окружающей среды, бесцеремонно сбрасывая отходы производства в реки и озера, прилегающие к горнорудным разработкам. «Серро де Паско» игнорировала призывы перуанских властей добиваться повышения производительности труда, интенсификации производства. Рабочие руки обходились ей дешевле, чем затраты на модернизацию производства. Деятельность этой компании стала серьезным препятствием в деле решения задач перуанской революции.

Как известно, перуанское правительство при решительной поддержке народа, всех демократических организаций, в том числе компартии, осуществило ряд прогрессивных мероприятий. Была национализирована рыболовная промышленность. Государство установило свой контроль над экспортом кофе, железнодорожным транспортом. Создана государственная авиакомпания «Аэроперу». Полным ходом идет аграрная реформа: в руки крестьян уже передано свыше пяти с половиной миллионов гектаров земли. Ликвидируется неграмотность,— к 1980 году в стране не останется ни одного перуанца, который не умел бы читать и писать.

Внутренняя реакция оказывает отчаянное сопротивление революционному процессу в Перу. Правые органы печати, олигархия, капиталисты, представители экономических интересов иностранных монополий пытаются посеять среди широких масс населения неуверенность и недоверие к правительству, спровоцировать конфликты, помешать проведению аграрной реформы. Важную роль в этой подрывной деятельности играла и «Серро де Паско».

Ликованием встретил перуанский народ весть об экспроприации «Серро де Паско».

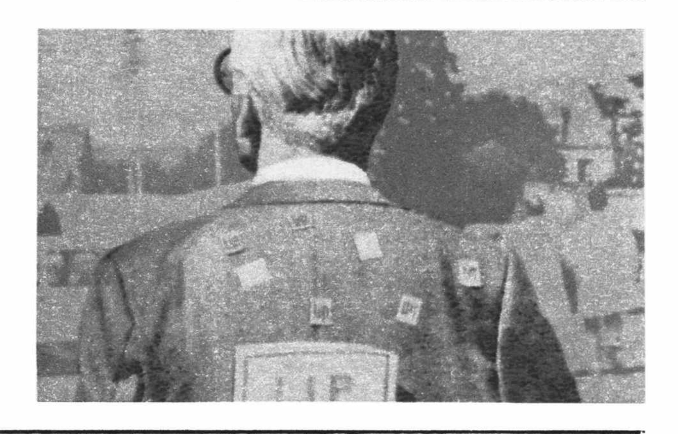
На снимке: массовый митинг в столице Перу Лиме в поддержку декрета правительства о национализации «Серро де Паско».

СОЛИДАРНОСТЬ ПОБЕДИЛА

Фото из журналов «Штерн», «Квик» и агентства Пренса Латина.

В конце января было получено сообщение о том, что девятимесячная борьба рабочих крупного часового завода «Лип» в Безансоне (Франция) за сохранение своих рабочих мест окончилась победой бастующих. Владельцу заводов Фреду Липу и его технократии пришлось согласиться на продолжение производства. Немалую роль в восстановлении прав рабочих «Липа» сыграла международная солидарность пролетариата,— моральная поддержка и помощь часовщикам Безансона шла из многих стран Западной Европы.

На снимке: судья Роже Луи удаляется с заводской территории после безуспешных попыток уговорить рабочих покинуть цеха.

«ПОЕЗД НЕ ПОЙДЕТ: НЕТ ГРАДУСНИКОВ»

То, что сейчас переживает Англия, можно назвать настоящим экономическим хаосом. Улицы Лондона и других крупных городов в темноте, из-за нехватки электроэнергии производство стали сократилось на 50 процентов. Энергетический кризис разразился в обстановке небывало сильного наступления капитала на права трудящихся. Цены на продукты питания, по свидетельству западной прессы, повысились более чем на 20 процентов, правительство консерваторов добилось введения 3-дневной рабочей недели, ожидается кое-где и неделя с одним рабочим днем.

Пролетариат включается в борьбу. Страну сотрясает цепь непрекращающихся забастовок (в 1973 году их было уже три тысячи — на 500 больше, чем в предыдущем). Ныне в Англии проходит всеобщая забастовка горняков, которая может вылиться в общенациональное выступление рабочего класса страны. То один, то другой профсоюз заявляет о своей солидарности с шахтерами, объявляет борьбу предпринимателям. В ряде отраслей промышленности и транспорта устраиваются забастовки под лозунгом «служба по предписанию» или «гоу слоу» («иди не спеша»), в таких случаях, например, достаточно отсутствия в вагонах градусников, чтобы поездная бригада отказалась идти в рейс.

Горняки Уэльса полны решимости выиграть битву с предпринимателями.

ОТЗЫВ СЕРДЦА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. СМЕТАНЫ

Борис ПРИМЕРОВ

Поднялся с воды утренний туман и быстро растаял в глубине неба. Сильный поток света залил все в округе: и дом лесничего, и поляну красных бархатных мхов, и старое дерево под окном. Падал на землю первый лист, охваченный позолотой увядания...

Он любил эту пору года за ее особую тишину, когда еще далеко до настоящих осенних холодов; когда еще не начались торопливые птичьи сборы в далекие заморские земли. А он, Бедржих Сметана, останется здесь, «в чешских лугах и лесах», среди милой сердцу природы. Он не будет грустить о теплых днях лета, ведь зима промелькнет, как одно мгновение,— это известно ему наперед: его ждет работа, и только работа! Кругом говорят, что композитор Сметана, как никто в Чехии, одарен безошибочным музыкальным чутьем, способностью легко и ясно выражать в звуках сложнейшие людские страсти и переживания. Да, пожалуй, теперь он и сам знает, что природа открыла ему свои тайны, что затеплил свою свечу от огня народного искусства... Пламень этот не задуть никаким ветрам времени, не испугать холодам, не погасить даже внезапно пришедшей беде...

14 сентября 1875 года. Только что поставлен последний нотный знак в партитуре. Шесть фортепьянных пьес объединены одной целью, одной мыслью; они написаны как бы во сне: не поэтому ли композитор назвал свой цикл коротко и нежно — «Сны»... Это счастливая беседа человека со своим прошлым. Это — незримое предощущение грядущего. Это воспоминания. Они-то и скрашивают его тяжкий недуг — внезапно наступившую глухоту, а что может быть страшнее для музыканта! Сметана находит единственную дорогу из своего безмолвия — дорогу в творчество...

«Утешение» — так называется первая музыкальная пьеса цикла «Сны». Мягкий ветерок мелодии почти неслышно скользит по клавишам. Медленно гаснут краски осеннего дня. Вода тихо кружит и уносит вдаль медные листья векового граба. И вдруг в этот грустный, щемящий напев врывается яркий вихрь новых чувств и переживаний. Нет, не все, не все еще позади! Еще придут вешние, погожие дни, обновят душу, и откроется ей высокая даль будущего...

Каждое утро раздаются в доме звуки рояля. Их слышат все, кроме самого сочинителя. Увы, он не может избавиться от старой привычки выстукивать рождающуюся мелодию на клавишах инструмента. Но, кто знает, может быть, именно эта привычка и помогает скоординировать внутренний слух, самый замысел композитора — со звуками, уже воплотившимися в музыкальную форму... Одно за другим появляются на свет в уединенном охотничьем доме селения Ябкенице, где теперь почти безвыездно живет Сметана, удивительнейшие произведения, принесшие мировую славу музыкальной культуре чешского народа.

Вслед за фортепьянным циклом «Сны» обретают жизнь панорама симфонических поэм «Моя родина», квартет «Из моей жизни», дуэты для скрипки с фортепиано «В родном краю», хор «Песнь на море»... Перед мысленным взором чешского музыканта постоянно встает мужественный и вдохновенный образ Бетховена... Разве мог Сметана предположить, что судьба уготовит и ему испытания, столь похожие на страдания «великого немца». Впрочем, болезнь Сметаны оказалась более коварной. Он потерял слух внезапно, можно сказать, в один час. И потому долгое время не переставал надеяться на улучшение, ждать избавления от страшной беды. Сколько раз, закрывшись в своей комнате, он перечитывал известные строки бетховенского завещания:

«Недоставало немного, чтобы я покончил с собою. Одно искусство меня удерживало. Ах! мне казалось невозможным оставить свет, пока я не создал всего, к чему чувствовал себя способным...»

Скорбный, трагический пафос этих слов действовал на Сметану воодушевляюще: он обращал его к жизни, к работе. Осенью 1875 года, после довольно длительного перерыва, Бедржих Сметана вновь обращается к самому любимому своему музыкальному жанру — опере.

Ритмически оживленный, со множеством живых речевых интонаций, музыкальный строй оперы «Поцелуй» покорил всех истинных ценителей музыки сразу же. А сотрудничество с Элишкой Красногорской принесло Сметане много радостных творческих минут. К тому времени известная поэтесса всем своим существом почувствовала горячий, неумолчный, творческий дух своего гениального соотечественника, ощутила родство с собственными художественными замыслами. Совместная работа двух замечательных художников Чехии стала долгой и плодотворной. Либретто всех опер, начиная с «Поцелуя», Красногорская создает специально для своего друга.

Нетерпеливо, с боязнью и надеждой одновременно ждал Сметана дня первой постановки. Внешне новая опера походила на «Проданную невесту»: тот же народный колорит, такой же, из простонародной жизни, сюжет, тот же покоряющий юмор... Но богатство музыкальных красок и необыкновенная сила художественных эмоций давали опере «Поцелуй» совершенно самостоятельное место в жизни национального чешского театра. Это сочинение продолжило свою, лирическую дорогу в музыкально-драматическом творчестве.

Театр, которому были отданы лучшие годы жизни Сметаны, вновь принес этому усталому, измученному недугом и постоянными заботами о средствах существования человеку счастливые минуты. Незабываемые минуты успеха...

После спектакля Сметана ехал в свое уединенное местечко Ябкенице молча, и всю дорогу в его глазах стояли слезы: он вспоминал и ранние годы детства, и юность, и любовь, и счастье — всю нелегкую свою жизнь...

Родился Бедржих Сметана в старинном чешском городе Литомышле. Живописные луга и рощи со всех сторон обступали небольшой городок; на холме возвышался прекрасный замок, и поныне восхищающий нас образец раннего чешского барокко.

Родители будущего композитора происходили из крестьян; они от природы были наделены недюжинными музыкальными способностями; в семье часто звучали народные песни, матушка рассказывала своему маленькому любимцу, так жадно и горячо ее слушавшему, сказки, предания, легенды. Творческий дух пробудился в мальчике рано. Отец его хорошо играл на скрипке. В свободное время у него собирались друзья, играли Гайдна, Моцарта, Обера... Пятилетним ребенком Бедржих Сметана стал полноправным участником этих домашних концертов. В неполные семь лет он умел играть и на фортепьяно. Он даже выступал с концертами во многих домах богатых горожан, графском дворце и перед большой публикой. Но скоро в судьбе отца произошли изменения: он переехал со всем, теперь уже огромным семейством в Индржихув Градец, где жизнь все больше онемечивалась. Чешский язык подавлялся всюду — в школах и гимназиях, в судопроизводстве и даже в быту. И вместе с тем усиливался национальный протест чехов. Движение это исходило из глубины народной, выражаясь в песнях, сказках, стихах, музыке...

Не сгубить народа,
Не сгубить и края
Там, где в род из рода
Речь звучит родная.
Где ж шипит чужая,
Что змея лихая,
Гаснет слава края!

Эти стихи одного из передовых представителей освободительного движения «будителей», Вацлава Ганки, знал почти каждый чех.

Франтишек Сметана сумел воспитать в своем сыне истинного патриота. Патриотизм стал основой всего художественного миропонимания композитора Сметаны.

В юношеском дневнике выпускника пльзенской гимназии есть запись, свидетельствующая о музыкальных идеалах Бедржиха Сметаны. Он хотел бы, нет, даже страстно желал стать «Листом в технике и Моцартом в сочинении». Но прежде всего знал, что нужно учиться. А это в его положении было не так-то легко: даже блестящие способности не могли юноше дать все, что было необходимо ему для жизни и учебы в Праге. Он, как и многие собратья по искусству, прибыл в столицу буквально с несколькими талерами в кармане. К счастью, известнейший музыкальный педагог Йозеф Прокш увидел в юном своем ученике будущую гордость чешской музыкальной культуры. Он не жалел сил для выращивания и воспитания молодого таланта... С благодарностью и нежностью до конца своих дней вспоминал Сметана учителя...

Уже в самых первых, дошедших до нас сочинениях Сметаны проявилась вся его лирическая натура. Нельзя сказать, что он избежал каких бы то ни было влияний, но очарованность мазурками Шопена, рапсодиями Листа или симфоническими поэмами Берлиоза всякий раз бывала побеждена внутренней стихией собственного «я» композитора. Одно за другим появляются на свет сочинения, которые войдут в золотой фонд музыкальной классики его страны: «Триумфальная симфония», «Торжественная увертюра», симфонические поэмы «Ричард III» и «Гакон Ярл», «Лагерь Валленштейн» и многое другое... Уже сложившимся музыкантом, самобытным интерпретатором народных песен приходит Сметана к созданию лучшей чешской оперы «Проданная невеста». Именно это творение сорокадвухлетнего композитора открыло выход национальной опере Чехии на мировую сцену.

Премьера стала заметным музыкальным событием и в России; соотечественник Сметаны, работавший в то время в Мариинском театре и исполнявший одну из главных ролей, Йозеф Палечек писал Сметане: «Вчера, наконец, мы впервые давали Вашу оперу, и, как уже известно из посланной телеграммы, Вы можете быть вполне удовлетворены результатом».

...Кто хоть раз слышал знаменитый цикл симфонических поэм Сметаны «Моя родина», тот не может не влюбиться в природу этой страны, в характеры ее простых людей, в нелегкую историю народа, в чудесные песни и танцы. А что может быть для художника выше, чем благодарный отзыв слушающего сердца?!.

Оглядывая жизнь Бедржиха Сметаны, мы видим мужественный и суровый, благодарный и радостный, трудный и счастливый путь композитора, ставшего выразителем народных дум и чувств.

Музыка его идет от сердца, зажженного высокой любовью к своему народу. Поэтому огонь этот не угасает и сегодня...

СОШЛА СО СТРАНИЦ «ПРАВДЫ»

8 марта нынешнего года исполняется 60 лет со дня выхода в свет первого номера самого массового женского журнала «Работница».

— У нашего журнала,— рассказывает главный редактор «Работницы» В. Е. Вавилина,— замечательная биография. Образно говоря, «Работница» сошла со страниц большевистской «Правды». В партийной газете начиная с 1913 года печатались корреспонденции о жизни и труде женщин-работниц — «Письма из ада», которых приходило так много, что они требовали отдельного издания. Тогда-то, еще в годы царизма, по прямому указанию В. И. Ленина и был создан журнал «Работница». Несмотря на полицейские рогатки, первый номер ее вышел в Международный женский день 8 марта 1914 года.

После Октября Владимир Ильич высказал замечательные слова о роли женщины нашей страны: «Не может быть социалистического переворота, если громадная часть трудящихся женщин не примет в нем значительного участия». Это высказывание вождя как бы определило программу и цели нашего журнала.

«Работница» прочно занимает свое место в ряду партийных изданий, всеми средствами содействуя становлению характера новой, советской женщины. Приведу хотя бы такой любопытный пример. В агитэскадрилье имени М. Горького, созданной в годы первых пятилеток, один из «крылатых агитаторов», названный «Орденоносная «Работница», пилотировала Валентина Гризодубова — летчица, ставшая потом знаменитой на всю страну.

В настоящее время для укрепления связей с многомиллионной женской аудиторией мы прибегаем к различным средствам: активно действует редакционный «Клуб общественности», проводятся рабкоровские рейды, заседания за «круглым столом». Но главное для «Работницы» — читательские письма. Их редакция получает от пятисот до тысячи ежедневно. Большое число тем, интересных материалов, общественных начинаний журнала порождено именно письмами. Множеством нитей связан наш журнал и с общественными деятельницами и с простыми труженицами разных стран.

«Работнице» — шестьдесят лет. Для журнала это совсем юный возраст, и мы с молодым энтузиазмом будем продолжать свое дело, всегда помня о том, что истоки наши на страницах большевистской «Правды», что доброго пути журналу пожелал великий Ленин.

Беседу записал О. ЗВЕРЕВ.

●

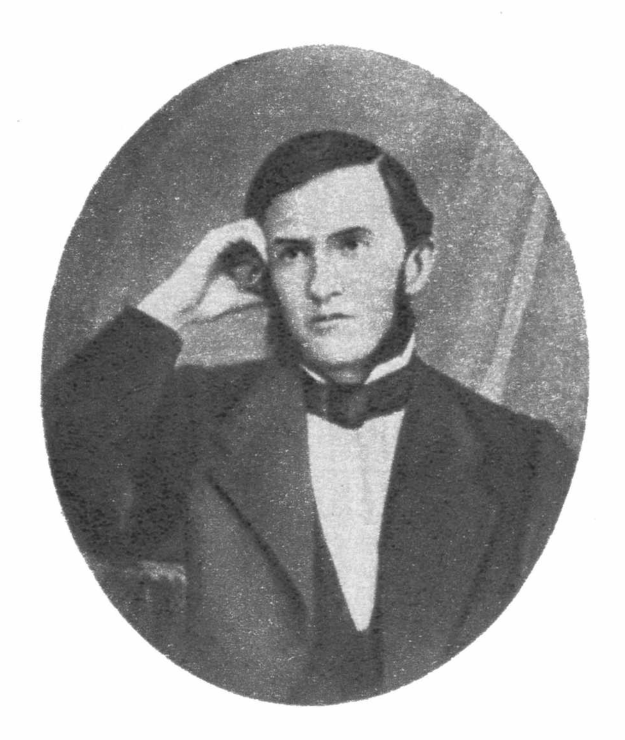
Исполнилось 100 лет со дня добровольного присоединения Каракалпакии к России. Этому знаменательному событию посвящены Дни каракалпакской культуры: открытие состоялось 28 февраля в Концертном зале имени П. И. Чайковского.

Выступивший на вечере секретарь Каракалпакского обкома Компартии Узбекистана К. Р. Рзаев говорил об огромном историческом значении, которое имело для Каракалпакии присоединение к России.

Концерт, завершивший торжество, стал праздником яркого искусства талантливого каракалпакского народа.

Фото А. Бочинина.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. Д. УШИНСКОГО

УЧИТЕЛЬ РУССКИХ УЧИТЕЛЕЙ

«Тот, кто учился в детстве по «Родному слову», навсегда связал в своей памяти народную присказку про ленивого Тита, которого зовут молотить, страшную сказку про медведя на липовой ноге и даже стихи Аксакова «Прямая дорога, большая дорога» с привычным милым именем Ушинского, с памятным портретом серьезного, темноглазого и темнобородого учителя на обложке книги» — так говорил С. Я. Маршак о книге великого педагога К. Д. Ушинского.

В солнечный, с легким морозцем день второго марта 1824 года в семье чиновника Тульской казенной палаты Дмитрия Ушинского родился сын Константин.

Его современники в конце XIX века поставят это имя в одном ряду с великими именами России: «Ушинский — это наш действительно народный педагог, точно так же, как Ломоносов — наш народный ученый, Суворов — наш народный полководец, Пушкин — наш народный поэт, Глинка — наш народный композитор»,— писал о нем Л. Н. Модзалевский.

Окончив юридический факультет Московского университета, Константин Дмитриевич назначается исполняющим должность профессора по кафедре законоведения Демидовского лицея в Ярославле. Однако демократические взгляды Ушинского были достаточным предлогом и поводом для удаления профессора из лицея как политически неблагонадежного.

В 1852—1854 годах Константин Дмитриевич сотрудничает в одном из самых прогрессивных журналов того времени —«Современник».

В последующие годы он преподает «русскую словесность» и географию в Гатчинском институте, а с 1859 года становится инспектором в Смольном институте.

В этот же период Ушинский публикует ряд статей — «О пользе педагогической литературы», «Три элемента школы», «О народности в общественном воспитании».

С 1860 года Константин Дмитриевич совмещает должности инспектора Смольного института благородных девиц и редактора «Журнала Министерства народного просвещения».

Прогрессивные реформы, проведенные им в Смольном, оказали огромное влияние на постановку просвещения в России, и в частности женского среднего образования. Но они же и возбудили ненависть реакционеров и просто завистников. По их доносу Ушинский был уволен.

Говоря о народности в русском воспитании, Ушинский в своих трудах исходил из глубочайшей веры в титанические силы творчества русского народа, который создал великий язык, поэзию и музыку. Именно поэтому Ушинский предлагает предоставить организацию образования творчеству самого народа.

По взглядам Константина Дмитриевича, народность означает, что школой должны быть охвачены все дети, что в основе обучения должен быть родной язык, а затем достаточные знания по истории, географии и природоведению своей родины и все они должны способствовать развитию в детях любви к родине, чувства долга и стремления отдать все свои силы служению отчизне.

Составленные Ушинским учебные книги «Детский мир» и «Родное слово» произвели переворот в развитии учебной литературы. На книги откликнулись рецензиями «Московские Ведомости», «Библиотека для чтения», «Воспитание», «Современник», «Учитель», «Ясная Поляна». Только при жизни автора в свет вышло десять изданий.

Константина Дмитриевича называют «учителем русских учителей». Советский народ свято хранит память о великом педагоге: издано одиннадцатитомное собрание его сочинений, его имя присвоено нескольким учебным заведениям, учреждены стипендии его имени, выбита медаль Ушинского, которой награждаются лучшие учителя и научные работники в области педагогики.

Возьмите в руки «Хрестоматию для маленьких» (1972 год) и вы увидите, что Ушинского и сегодня с интересом читают наши дети.

Александр ИВОЛГИН

Академик медицины Е. И. Чазов.

Так становятся видимы сосуды сердца.

ИНСТИТУТ СЕРДЦА

М. ХРОМЧЕНКО
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Сейчас инженер М-ов не жалуется на здоровье и хочет скорее вернуться к работе. Что же тревожит врачей Института кардиологии имени А. Л. Мясникова Академии медицинских наук СССР, куда М-ов поступил на долечивание? Почему они вынесли историю его болезни на обсуждение коллег, собравшихся в конференц-зале института?

А случилось вот что. Полгода назад у М-ва появилась боль за грудиной. Была она столь сильной, что заставила отойти от стола и лечь. Полежал — отпустила, и он вернулся к своим бумагам. На следующий день все повторилось, пришлось полежать подольше. Уйти же домой руководитель группы не мог: коллектив завершал срочную работу. На третий день М-ов не выдержал, пошел в медпункт. Там ему померили артериальное давление — в пределах нормы, попытались снять кардиограмму — запутана, предложили бюллетень — он отказался. Но на пятые сутки с ним не посчитались, вызвали «Скорую» и увезли в районную больницу — инфаркт! А за эти дни у него развилась обширная аневризма сердца с угрозой разрыва. Вообще чудо, что оно выдержало, может, потому, что М-ву всего тридцать шесть лет.

Но как поступить теперь? Не исключена операция. Чтобы решить это, необходимы дополнительные исследования. Как М-ов их перенесет? Не лучше ли подождать, вначале отправить его в санаторий, а уж потом дообследовать? Тем более что чувствует он себя хорошо, много гуляет, без труда поднимается по лестнице. Но как отпустить его с аневризмой? Здесь, в институте, есть решительно все, чтобы успеть вмешаться в случае внезапных осложнений, а в санатории? Тогда что же: оперировать сейчас?

Вот что смущало лечащих врачей, вот с какими вопросами и сомнениями вышли они на директорский разбор — за советом коллег.

Такие «сидячие» обходы по средам ввел в практику института и сделал традиционными его первый директор, выдающийся советский клиницист, академик медицины А. Л. Мясников. Эти свободные обсуждения наиболее запутанных и неясных случаев заболеваний, когда сталкиваются мнения специалистов разного профиля и стажа, когда вспоминается личный опыт, практика других лечебных учреждений и рекомендации зарубежных коллег — и все это применительно к данному конкретному больному,— стали отличной школой клинического мышления, диагностического и лечебного мастерства. Обдумывая тактику дальнейшего лечения обсуждаемого сейчас больного, врачи одновременно извлекают уроки из сегодняшних споров и накапливают опыт, который затем, отраженный в методических письмах, статьях и монографиях, станет общим достоянием.

Подобная двуединость времени, свойственная всем медицинским научно-исследовательским институтам, в этом ощущается особенно явственно. Не удивительно, здесь спасают сердце: когда оно останавливается, счет жизни идет даже не на минуты — на секунды. Здесь подбирают ключи к самой грозной его болезни — ишемической. Она объединяет все, хронические и острые, нарушения его деятельности, вызванные срывом кровоснабжения и питания сердца, вслед за которым развиваются тяжелейшие осложнения, включая инфаркт миокарда.

Инфаркт!.. Еще более десяти лет назад больного с таким диагнозом, если болезнь застигала дома, не трогали с места. Покой, абсолютный покой, требовали медики. Сегодня этот диагноз созвучен острому аппендициту — немедленно в больницу! С улицы, с работы, из дома.

— Мы научились эффективно бороться с ним, потому изменилась и врачебная тактика,— сказал нам заведующий отделением неотложной кардиологии академик медицины Е. И. Чазов.— В первые пять самых опасных суток за больным ведется постоянное наблюдение. Оно доверено не людям, способным отвлечься или недооценить сигнал тревоги, а бесстрастным, быстродействующим мониторам, рядом с которыми «дежурят» другие приборы и аппараты. Это чрезвычайно важно: состояние больного может измениться в любое время дня и ночи. Врач тут же узнаѐт об этом и немедленно вмешивается, опираясь на отработанную, до мелочей освоенную программу действий на все случаи жизни.

Лет десять назад мы впервые начали применять препараты, рассасывающие сгустки крови, которые могут вновь закупорить просвет сосудов сердца. К слову, тогда у многих наших коллег подобные меры вызывали скептическую улыбку. Сегодня эта методика признана и у нас и за рубежом. Последнее время мы изучаем возможности введения лекарства непосредственно в сосуды страдающего сердца. Огромное преимущество: препарат, не распыляясь, сразу попадает по назначению, минуя всевозможные барьеры организма...

Залог успеха в борьбе с инфарктом миокарда и другими сердечными катастрофами — продуманный автоматизм действий в период острой, наивысшей опасности, а затем, когда она минует, столь же четкая, хотя и более спокойная система лечебных мер. За разработку и внедрение ее в практику отделений неотложной кардиологии Е. И. Чазов был удостоен Государственной премии СССР.

Сердечные катастрофы — внешний и часто отдаленный результат нарушений в глубинах мышцы. Следовательно, необходимо научиться получать информацию даже о предварительных — на грани здоровья и болезни — изменениях обмена веществ в ее отдельных волоконцах. Это задача диагностики. Вот почему в самом «горячем цехе» института рядом с врачами заняли свое полноправное место биохимики.

Хотя лаборатория метаболизма (обмена веществ) миокарда, оснащенная на уровне последних достижений мировой технической мысли, организована только в прошлом году, сотрудники ее ведут совместные исследования с врачами отделения неотложной кардиологии на протяжении нескольких последних лет. И уже первые успехи, как сказал нам заведующий лабораторией доктор биологических наук В. И. Смирнов, обещают многое:

— Классический прием биохимии — исследовать кровь, притекающую к органу и вытекающую из него. По тому, что сердце поглощает из крови и в нее выделяет, можно понять, что с ним в данный момент происходит. Только здесь, в институте, это делается уже не на животных, не в эксперименте. Работая рядом с врачами, мы берем кровь из сердца больного человека.

И вот результат. Мы впервые установили, что один из опаснейших, ядовитых отходов азотистого обмена — аммиак — мышца сердца нейтрализует, образуя безвредную мочевину. Синтез ее нарушается при разных поражениях по-разному. Сравнивая анализы в норме и патологии, биохимик может теперь подсказать врачу, какие звенья азотистого обмена нарушены, на что следует обратить первоочередное внимание, что ввести в организм для нейтрализации аммиака.

Эти и многие другие исследования молодой лаборатории говорят о разительных изменениях в науке о сердце, свершаемых на наших глазах. Сама кардиология выделилась из общей терапии лет тридцать назад. Всего лишь... А сегодня мы становимся свидетелями формирования еще более углубленной и узкой медицинской науки — молекулярной и клеточной кардиологии, должной в конце концов ответить на принципиально важный для клиники вопрос: как работает сердце?

Как работает сердце? Вопрос сложнейший, и окончательный ответ на него будет получен еще очень не скоро. А тактика дальнейшего лечения инженера М-ва должна быть определена сегодня. Врачам сегодня предстоит решить, быть или не быть операции.

Кстати, коль скоро мы заговорили об операции, скажем и о том, что еще совсем недавно среди терапевтов хирургия сердца для больных все тем же инфарктом считалась крайней мерой, на которую решались разве что от отчаяния. А ныне операции на сосудах сердца — при необходимости, разумеется,— стали мерой профилактической, предупреждающей дальнейшее развитие заболевания. Не случайно в сугубо терапевтическом Институте кардиологии организовано хирургическое отделение.

И также закономерно, что столь ценный диагностический метод, как рентгенокардиография, первыми освоили кардиологи. Причем применяют они его — опять же, разумеется, при необходимости — даже к тяжелым больным. А ведь это микрооперация: в полость сердца надо ввести катетер — миниатюрный полый зонд, через который можно либо забрать кровь для анализа, либо окрасить сосуды контрастным веществом. И если раньше врачи ставили диагноз чаще всего на основании жалоб больного, клинической картины и данных кардиограмм, то теперь с помощью контрастных исследований могут избирательно и воочию видеть поражения любого из сосудов сердца, их протяженность и локализацию.

Но любопытно: даже здесь, на директорском разборе в Институте кардиологии, где, казалось бы, уж никак не должно быть противников нового, предложения воспользоваться сложными современными диагностическими методиками вызывали сомнения. Высказывали их, как правило, врачи немолодые, воспитанные в свое время на традициях абсолютного покоя и «невмешательства» в больное сердце.

— Они и неправы и правы одновременно,— сказал нам профессор Ю. М. Мухарлямов.— Неправы потому, что без максимально точной диагностики трудно решиться на

В отделении неотложной кардиологии.

Профессор Ю. М. Мухарлямов.

Избирательно и воочию видеть любой сосуд сердца.

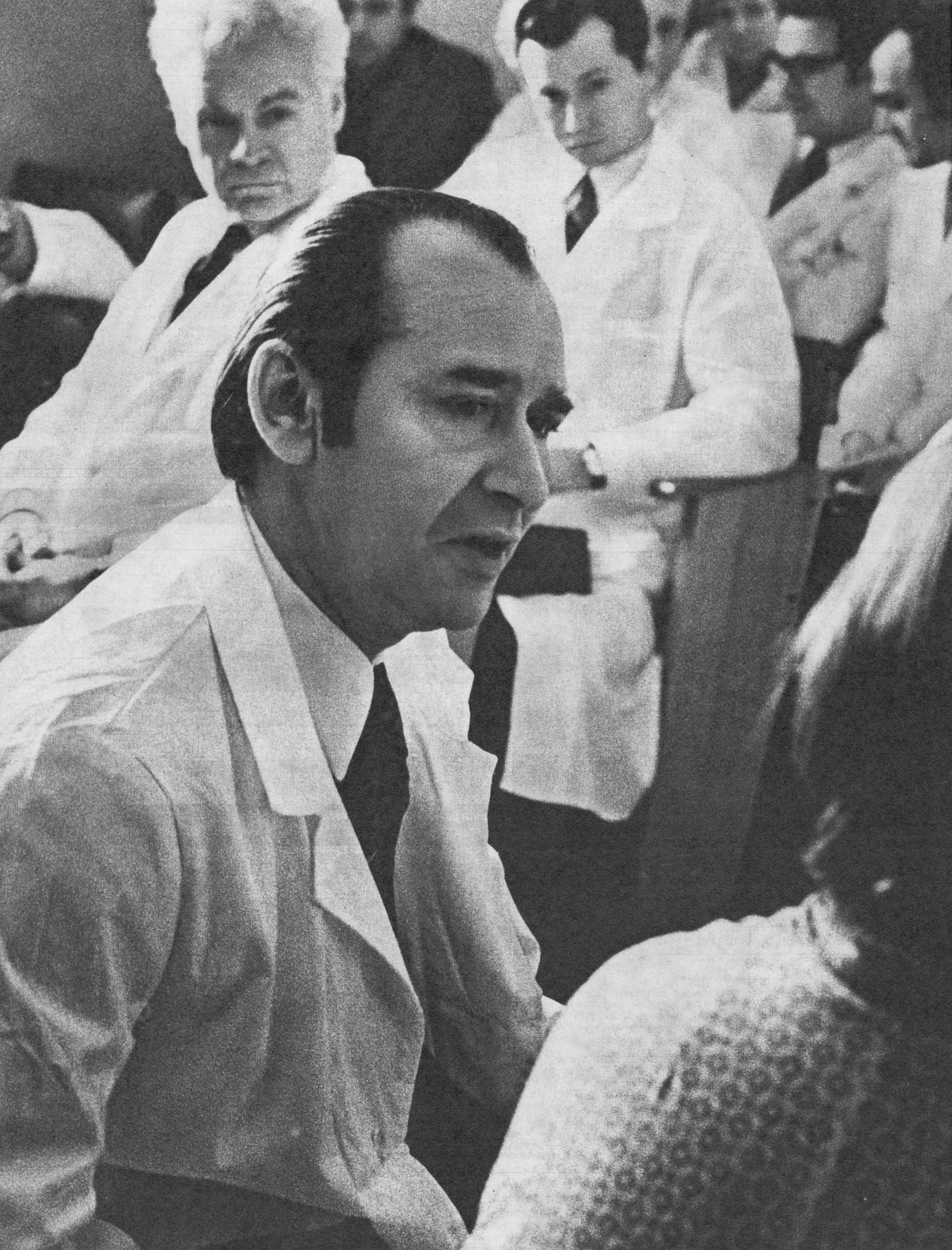

Кардиограмма по телефону.

Первый шаг на пути к физкультуре.

Все решают минуты.

Директорский разбор ведет член-корреспондент АМН СССР И. К. Шхвацабая.

операцию, равно как и отказаться от нее. В любом случае ответственность слишком велика. А правы они, потому что даже минимальное хирургическое вмешательство небезразлично для организма.

Вот почему в нашем отделении мы с такой надеждой осваиваем сверхновый метод: эхокардиографию. Ее преимущества неоспоримы уже потому, что она абсолютно безопасна, а сообщает очень много. Подобно тому, как с помощью эхолота ученые изучают океанское дно, так и здесь ультразвуковые волны, отраженные от исследуемого органа, несут полноценную информацию о его состоянии. О размерах полостей сердца, о толщине его стенок, о функциональной способности перегородки и клапанов. Эхокардиография позволяет измерить — в абсолютных объективных цифрах — скорость движения мышцы во время сокращения и расслабления сердца, самые начальные в ней изменения.

Внедрение в кардиологическую практику новых диагностических и лечебных приемов принесло свои плоды. Врачи научились побеждать даже инфаркт. Если в довоенные годы сорок процентов больных быстро погибали, то сейчас примерно восемь из десяти таких больных не только выздоравливают, но и возвращаются к прежнему труду. Однако попробуйте сказать мнительному человеку после перенесенного инфаркта, что он здоров. Он грустно улыбнется и тут же утратит всякое к вам доверие. Как же избавить такого от страха перед повторной атакой болезни, как убедить, что он теперь может сам себя обслуживать, заниматься физкультурой и вернуться к любимой профессии? А добиться этого необходимо: вчерашний пациент должен поверить в себя, в то, что он вновь стал полноценным человеком и членом общества на годы, на десятилетия.

Начало, фундамент возрождения сердца — и человека — закладывается в отделении неотложной кардиологии с первых же часов, как только «Скорая» привезет больного. Вот она, та особо ощутимая здесь двуединость времени: в больном едва теплится жизнь, но врачи уже планируют далекое его будущее. А когда опасность останется позади, человека, спасенного от смерти, переводят четырьмя этажами выше — в отделение реабилитации (а затем в специализированный санаторий) для восстановительного лечения. Разработанные на научной основе его этапы оформились в стройную систему медицинских исследований, физиологических тестов, социальных и даже педагогических мер. Именно благодаря такому комплексу и удается возвращать к активному труду свыше восьмидесяти процентов пострадавших, многие из которых раньше или погибали, или становились инвалидами.

— И в этой работе многое для нас было вновь,— сказал директор института член-корреспондент АМН СССР И. К. Шхвацабая.— Например, физиологические тесты — пробы, свидетельствующие о состоянии сердца, сосудов, других систем организма. Раньше они проводились в локое, и результаты их считались вполне достоверными. Но ведь возвращаясь домой и тем более к работе, человек попадает в совершенно иную обстановку. Чтобы оценить ее влияние, мы перешли к различным нагрузочным пробам, постепенно увеличивая их интенсивность. И по тому, как отзывается на них вчерашний больной, как с ними справляется, судим об уровне его здоровья, о его возможностях.

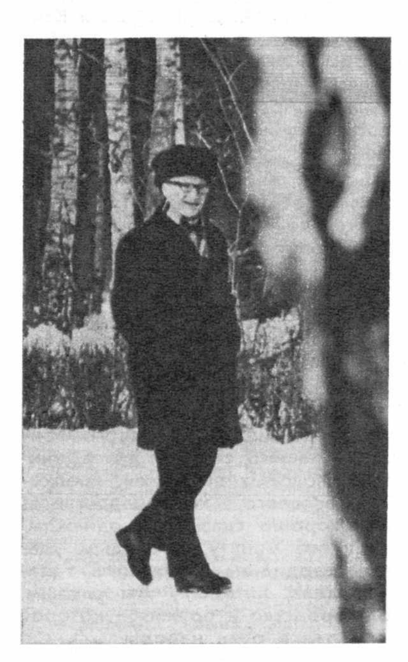
Другой пример. Считалось, что врач сам по себе хороший психолог. Оказалось, не совсем: перенесшие инфаркт больные требуют профессионального подхода, а современная психология столь же сложная наука, как и медицина, и ей также противопоказан дилетантизм. Мы пригласили специалиста и сегодня можем с полным правом говорить о создании еще одной новой дисциплины — кардиологической психологии...

Недавно методика реабилитации больных после инфаркта миокарда, разработанная по инициативе И. К. Шхвацабая, переведена на английский язык и рекомендована Всемирной организацией здравоохранения всем кардиологам мира.

...Тем временем дискуссия по поводу дальнейшего лечения инженера М-ва подошла к концу. После длительных споров (они продолжались два с половиной часа) было все же решено вначале отправить его в санаторий, а уж потом, проведя дополнительные исследования (их также обсудили), решить целесообразность операции. На этом, казалось, можно было бы поставить точку. Но нам не давал покоя еще один вопрос: как так получилось, что молодой (согласитесь — тридцать шесть лет), внешне вполне здоровый человек получил в «наследство» от инфаркта опасную для жизни аневризму сердца? Неужели она была неизбежной?

— Конечно же, нет,— ответил заведующий отделением эпидемиологии сердечно-сосудистых заболеваний доктор медицинских наук В. И. Метелица.— Но ишемическая болезнь коварна, она развивается на фоне полного благополучия. Откуда было вполне здоровому внешне инженеру догадаться, что первый же приступ боли сигнализировал об инфаркте? М-ов был уверен, что все образуется. Понимаете, оптимизм прекрасен, оптимизм необходим, это первейшее лекарство в борьбе даже с самыми тяжелыми заболеваниями. Тот, кого пугает малейший «шорох» в организме, никогда не победит болезнь, никогда не ощутит себя здоровым и счастливым человеком. Но несколько дней пренебрегать такой болью — это, простите, уже граничит с элементарной неграмотностью. И, увы, М-ов не исключение: из числа обследованных нами людей сорок процентов не знали об ишемической болезни своего сердца и каждый четвертый — о перенесенном инфаркте.

Я приведу вам еще несколько цифр. Из обследованных нами людей в возрасте от 20 до 64 лет ишемической болезнью сердца заболевает каждый третий из тысячи; с крайним осложнением болезни — инфарктом — в первые сутки в больницы поступает лишь 35 процентов, а 75—80 процентов из числа погибших от инфаркта больных не успевают дождаться врача, гибнут внезапно.

После института—санаторий.

Эти предварительные итоги обследований, проведенных врачами отдела за последние годы, позволили сделать весьма важные выводы. Напомним: на третий день заболевания больной М-ов обратился в медпункт, там ему сняли кардиограмму, но не смогли в ней разобраться. Винить в том врачей не стоит: электрокардиографическая характеристика сердца иной раз бывает столь сложной, что даже врачу неотложной медицинской помощи разобраться в ней довольно трудно. Следовательно, необходимы портативные аппараты для передачи ЭКГ в консультативные центры, где их быстро и квалифицированно смогут оценивать специалисты. Этим и занялись в отделе, призвав на помощь инженеров. Первые такие аппараты, их назвали кардиофонами, уже созданы, прошли испытания и в ближайшее время поступят в серийное производство. В перспективе ими будут снабжены все врачи скорой и неотложной медицинской помощи.

Вывод второй еще существеннее. Чтобы повысить эффективность лечения, чтобы максимально снизить число случаев внезапной смерти, а именно такая задача стала первоочередной для кардиологов всего мира, надо заранее точно знать, кому и в какой степени болезнь угрожает. И такое определение не потребует ни дополнительных врачебных штатов, ни какого-то невероятного технического оснащения. Кстати, все эти сложнейшие проблемы недавно были предметом специального обсуждения на коллегии Министерства здравоохранения СССР, наметившей пути дальнейшего совершенствования кардиологической службы в нашей стране, располагающей к тому же самыми лучшими для такой цели условиями. Об этом неоднократно говорили специалисты из стран Западной Европы и США, где серьезнейшим препятствием в борьбе с ишемической болезнью сердца остается система частной медицинской помощи.

Как же мыслится в будущем организация обследований населения? В идеале для этой цели должны быть созданы автоматизированные лаборатории, снабженные электронными вычислительными машинами. Такие лаборатории «на колесах» смогут приезжать на заводы, фабрики, институты — всюду. Данные стандартного опроса и минимального диагностического обследования, закодированные на перфокарты, поступят в ЭВМ, которая спустя час-два выдаст ответ каждому человеку. Вы здоровы, пройдите повторный осмотр спустя два-три года. Или: вам рекомендуется бросить курить и изменить диету. Или: вам следует обратиться к кардиологу. И уж тогда специалисты будут отдавать свое время по преимуществу тем людям, кто действительно нуждается в их советах, в их внимании, в их квалификации.

...Человечество за свою долгую историю не раз уже сталкивалось с проблемами, которые сначала казались непреодолимыми. Справится оно и с болезнями сердца.

ПЕВЕЦ НОВОЙ ТУРКМЕНИИ

Николай ТИХОНОВ

Известнейшему советскому туркменскому писателю, академику, народному писателю Туркменской ССР, Герою Социалистического Труда, большому общественному деятелю Берды Мурадовичу Кербабаеву исполняется восемьдесят лет.

Он является непререкаемым патриархом туркменской литературы. Но его вид жизнерадостного мудреца, спокойного, сильного, неутомимого, готового к новым трудам и поискам, говорит о том, что счастливая жизнь, которая преобразила родную землю Туркмении, щедро одарила его творческими вдохновениями и прекрасным долголетием.

Его родина—Тедженский оазис, где так живописны пейзажи и так грандиозно самое крупное в Туркменистане Хауз-Ханское водохранилище, где выращивается замечательный сорт пшеницы и самые нежные дыни, где с каждым годом растут площади «белого золота» — хлопчатника.

Берды Кербабаева можно назвать летописцем новой Туркмении. В его самых разножанровых произведениях уложилось множество событий, связанных с жизнью и бытом родного народа. В поэмах и романах, в пьесах и очерках, статьях и рассказах он с новым для туркменской литературы чувством социалистического реализма воспроизводит постепенный рост своего соотечественника, его борьбу за новую, советскую действительность, раскрепощение женщины, уничтожение власти черного прошлого и его приверженцев, изгнание интервентов, вплоть до окончательной победы Советской власти, победы великой партии и ленинской дружбы народов.

Как по ступенькам живой лестницы, вы поднимаетесь от его поэмы «Айлар» и повести «Айсолтан из страны белого золота» к тому произведению, которое будет классическим рубежом в изображении жизни туркменского народа, пути его к социалистической революции. Роман «Решающий шаг» писался долго, но, когда он был закончен, он явился образцом классической прозы в туркменской литературе, и его герои стали жить в ряду лучших созданий советских художников слова.

Туркмения смело наступала на пустыню, и вместе с возникновением города нефтяников мы увидели новое достижение Берды Кербабаева — роман «Небит-Даг», где трудовые коллективы победоносно одолевали и природные трудности и старые предрассудки.

И в таких произведениях Берды Кербабаева, как «Чудом рожденный», «Аму-Дарья», он продолжает эту летопись жизни, как и в большом романе «Капля воды — крупица золота», где рассказ уже идет о строительстве Каракумского канала, «Большого канала» в книге. Там переплетаются примеры героического труда строителей и личные судьбы людей нового поколения коммунистов, которые уверенно творят будущее, входят в новый день строительства социалистического общества.

Многоликие герои Берды Кербабаева, вышедшие из народа — и Артык и Айна, Айсолтан и Кайгисыз Атабаев, Айгуль и Курбан Дурды,— являются созданиями могучего таланта писателя, правдивыми образами, поражающими воображение своей жизненной силой.

Берды Кербабаев широко известен за пределами Туркмении не только как популярный народный поэт. Он активный участник борьбы за мир, международных писательских конференций. Его видели во Вьетнаме, в Каире и в Дели, в Ташкенте и в Кабуле. Москва часто слышала его вдохновенный голос.

Мы рады поздравить его сегодня, в день его прекрасного юбилея — нашего старого друга, учителя молодых писателей, крепкого, веселого, жизнерадостного! Как хорошо сказал он однажды: «Каждую минуту, с каждым ударом сердца надо ощущать величие дела, которому мы служим, благородство оружия, которое нам дал в руки народ!»

В этом солнечная цель творчества Берды Кербабаева!

РОДНЫ

Максим ГЕТТУЕВ

ОКОПНАЯ ПЕСНЯ

Пули строчат
По моей судьбе.
Пули свистят от темна
до темна.
Между боями
В тиши
О тебе
Все мои думы, мечта и жена.

Я в нетерпении
Жму на курок,
Веря, что кончится скоро война.
Как от тебя я сегодня далек,
Милая женушка, свет мой,
жена.

Птицы окоп задевают крылом.
В их щебетании
Мне слышна
Речь твоя нежная о былом,
Чистая сердцем моя жена.

Все же врага я добью погодя.
В славе победы угаснет война.
Вот уж когда я проворней
дождя
К детям вернусь
И к тебе, моя радость, жена!

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Белая роща —
Березовая.
Тысячи светлых стволов.
Каждый, покрытый
берестою,
В темных накрапинках слов.

Листья весною листаются
Ветром, зарей расписной.
Словно поэма,
Читается
Белая роща весной.

Нежною дымкой окутаны
Светлых опушек края.
Солнечным светом опутана
Милая роща моя.

Лягу на травы высокие,
Руки — под головой.
Не облака белобокие —
Лебеди надо мной.

Тихо березы колышутся,
Душу мою веселя.
Молодо,
Радостно дышится
Рядом с тобою, земля!

НЕСГИБАЕМОСТЬ

Памяти Ульяны ГРОМОВОЙ

Гляжу на твой портрет,
Что дома
Стоит на столике моем,
И вижу
Ночь над Краснодоном
И улицу твою и дом.
И слышу крики оккупантов:
— Ты Громова?
И твой ответ:
— Да, я! А вы — всего лишь
банда,
Которой и названья нет.

И больше ты им не сказала
Ни слова.
Ловко, не спеша платок
неяркий повязала,
Пальто надела.
Не дыша,

В. ШАЛУНОВСКИЙ

ОЖИВАЮТ СТРАНИЦЫ РОМАНА

Города и годы... Мощно и неудержимо движется время. Ничто не в силах остановить поступательный ход истории. Встречаются и расстаются люди, влюбляются, страдают, радуются, умирают. В острейших, непримиримых схватках сталкиваются идеи, убеждения, взгляды. Удивительным переплетением людских судеб, событий, интересов, стремлений, побед и поражений раскрывается наша жизнь. Что же в ней главное и что второстепенное, что вечно и что преходяще, что бесценно и что мелко, случайно?

Этими раздумьями наполнен замечательный роман старейшего советского писателя Константина Федина «Города и годы».

Эти мысли, эти чувства одухотворяют и одноименную кинокартину, созданную по роману на студии «Мосфильм» и вышедшую на экраны. Картина поставлена режиссером А. Зархи по сценарию, написанному им совместно с В. Валуцким (оператор А. Княжинский).

Как и роман, фильм утверждает высокую правду Октябрьской революции, торжество добра над злом, истины над ложью.

Честные люди всегда выступают против несправедливых войн, за мир, за труд, за дружбу между народами, за социальную справедливость... Об этом — вслед за романом — говорит и фильм.

Более четырех десятилетий назад делалась по роману «Города и годы» немая, черно-белая картина. Новый фильм — цветной, звуковой, двухсерийный — это масштабное, развернутое полотно, широкая панорама жизни. Хотя и сегодняшний кинематограф с его, как принято говорить, безграничными возможностями не смог вместить всего богатства произведения К. А. Федина, всего обилия тем и образов.

Впрочем, авторы фильма и не стремились объять необъятное. Многое в романе они опустили, что-то изменили, что-то переосмыслили. Их задачей было передать

Е ГОРЫ

Подруга в ужасе глядела
На твой уход в холодный мрак.
Ты что-то ей сказать хотела,
Да было ясно все и так.

В дверях невольно обернулась
На книги, на свою кровать,
На мир, где остается юность,
Которой старости не знать.
Ты в этот миг
Прощалась с миром,
С частицей отчего тепла,
Со всем хорошим, добрым,
милым,—
И гордо голову несла.

— Ну, что ж, ведите. Я готова...
А дальше — сон.

Но наяву
Я на портрет гляжу
И снова
Твоею юностью живу,
Твоею твердостью живу,
Твоею гордостью живу.

БАЛЛАДА О НЕОТПРАВЛЕННОМ ПИСЬМЕ

Он пал в бою на высоте
безвестной.
Как многие,
Немногое успел...

Вчера лишь он писал письмо
Невесте
И песни пел, доверчиво так
пел!

И вот туда,
Где то письмо лежало,
Исполненное веры и тепла,
Проникло пули вражеское
жало,
И кровь на адрес ржаво
затекла.

О дорогая!
Я тебя не знаю,
Не знаю, где живешь
и как зовут.
Но знаю: о тебе лишь
вспоминая
Он в битву шел, как многие
идут.

Он шел к тебе.
С тобою на свиданье.
И опоздал. Навеки опоздал.
Когда б я смог ему свое
дыханье
Отдать,—
Я б не задумавшись отдал!

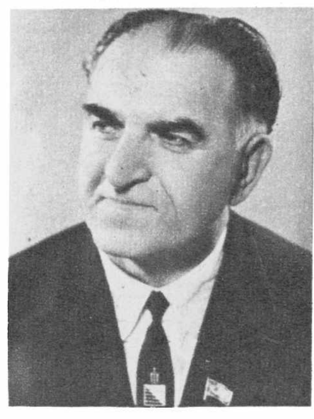
И вновь звучит под небом
канонада,
И я в атаку соколом лечу.
И кажется,
Что ты со мною рядом,
Что я тебе его слова шепчу.

РОДИНА

Я слово «Родина»
произношу
И чувствую,
Что — иначе дышу.
Всего себя
Я людям отдаю
И замечаю —
Иначе пою.

Я в этом слове
Вижу
Голубой
Простор,
Что над моей парит судьбой.

Все в этом слове:
Матери тепло,
Дорога, на которой
повезло,

Родные горы,
Степи,
Родники,
Далекие друзья,
Что так близки...

С тех пор, как в мир
Переступил порог,
Я это слово в дни беды
берег.

С ним, радуясь, горюя
и скорбя,

Я ЧЕЛОВЕКОМ

осознал себя.

Три слога в слове «Родина»,
Но в них —
Биенье сердца моего
И стих,
Где в каждой букве —
Вера и любовь,
Загадка века,
Прошлое...
И новь.
В них бесконечность,
С ними я расту,
Как корни — вглубь,
Как крона— в высоту.

О Родина,
Тебя в душе я нес
С тех пор,
Как слово «мама» произнес.
И ты во мне,
Как звезды, как заря —
Свет Ильича,
Сиянье Октября.
И в свете том,
Как горная река,
Идешь ты вдаль,
в грядущие века.

СНОВА ВМЕСТЕ

Мне душу
Полдень тишиной наполнил.
Лежу
И отдыхаю на волне.
И вдруг тебя я, дорогая,
Вспомнил,—
Казалось мне,
Что ты плывешь ко мне.
А надо мною —
Небо голубое
И редкие такие облака,
И чайки,
Словно капельки прибоя,
Летящие сюда
Издалека.

А подо мною —
Тихие глубины,
Угрюмые слои холодных
вод.
И я плыву
На зов моей любимой,
Которая ко мне
Сейчас плывет.
Вдали пестреет пляж
И горы дремлют,
Снегов папахи не желая
снять.
Я голосу моей любимой
внемлю,
Ведь голосу ее
Нельзя не внять,—
Ведь голосу ее вся жизнь
внимала...

Любимая
Плыви, плыви ко мне.

Ну, как ты без меня?
Ты не устала?
Побудь со мною рядом
на волне.

Авторизованный перевод с балкарского Владимира Фирсова.

дух романа, его пафос, сохранив писательский замысел и подчеркнув при этом современность мыслей, волновавших автора книги пятьдесят лет назад (роман, как известно, впервые увидел свет в 1924 году).

В центре фильма — образ молодого русского интеллигента Андрея Старцова... 1914 год... Волею обстоятельств Старцов оказался в кайзеровской Германии накануне и в начале первой мировой войны. Разгул национализма, ненависть к другим народам, сытое, тупое и самодовольное немецкое бюргерство, военщина, опьяненная шнапсом и шовинистическими идеями... И другая Германия: трезвомыслящий, прогрессивный художник Курт Ван, юная немка Мари Урбах, полюбившая русского и смело заявившая о своей любви.

А пожар войны все грознее, все трагичнее. Грохочут артиллерийские залпы, рвутся бомбы и снаряды, ползут над окопами облака ядовитых газов, льются кровь и слезы. Каждый день — тысячи убитых и раненых.

Но уже вспыхнул над миром свет новой жизни. Летит по фронтам, по городам и странам эхо Октября: долой царя, долой буржуев! Да здравствует социалистическая революция!.. В Советской России война империалистическая превратилась в войну гражданскую.

Суровой, жестокой ценой завоевана народная победа. Но она пришла, враг разгромлен; свою лепту внесли сюда и передовые люди Германии. Молодая Республика Советов начинает мирную трудовую жизнь...

Мы не будем излагать здесь всех перипетий сюжета. Заметим, однако, что, показывая все эти события, знакомя нас с судьбами множества людей, авторы фильма не всегда преуспевают. Обстоятельности, драматургической стройности порой явно не хватает, когда речь идет даже и о главных героях Андрее Старцове, Курте Ване...

Сильная сторона фильма «Города и годы» — его актерский ансамбль. Опытному, известному своим умением работать с актерами режиссеру Александру Зархи удалось привлечь интересных, талантливых исполнителей. Мастера экрана разных возрастов, разных творческих школ, даже разных стран слились, как единый, хорошо слаженный оркестр.

Молодой актер Игорь Старыгин очень тактично и естественно ведет роль Андрея Старцова. Роль большая, сложная: целых восемь лет предстояло актеру прожить на экране в образе героя, пройти через его увлечения и разочарования, страдания и сомнения, события великие и второстепенные... Множество судеб пересекалось с его судьбой. И хотя роль выписана в сценарии не всегда достаточно глубоко, игра актера оставляет приятное впечатление. Добротная, профессиональная работа.

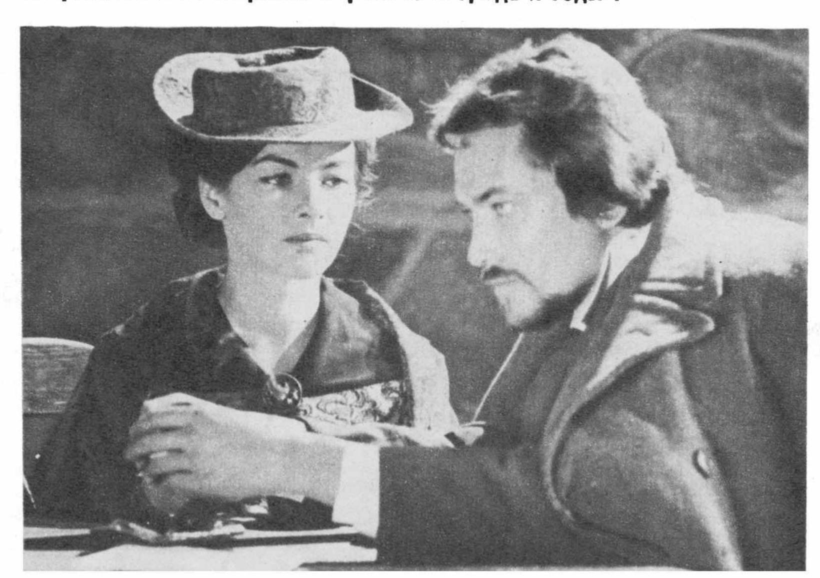
В роли Мари выступила известная польская актриса Барбара Брыльска... Мари любит Андрея: это горячая и умная любовь. В своей любви, в своих отношениях к Старцову Мари принципиальна и чиста, нежна и мужественна. Всю эту гамму чувств, все эти краски роли актриса передала тонко и точно.

Актер из ГДР Винфрид Глацедер сыграл Курта Вана, молодого немецкого художника, друга Старцова. Он из тех немцев, которые открыто и твердо встали в ряды сторонников и защитников русской революции, Великого Октября.

Колоритный образ старого бельгийца-клоуна создал Сергей Мартинсон. Он многое дает для создания атмосферы действия, для характеристики времени.

Роль Риты, жены Андрея (в последних частях фильма), одна из лучших в биографии актрисы Ирины Печерниковой.

Б. Брыльска и И. Старыгин в фильме «Города и годы».

Президент Академии художеств СССР, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда Н. В. Томский беседует со зрителями.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ, ЮБИЛЕЙНАЯ

Н. ТОМСКИЙ,
президент Академии художеств СССР

Эта выставка в Манеже — Центральном выставочном зале столицы — праздник. Она посвящена 25-летнему юбилею Академии художеств СССР, заглавного художественного учреждения нашей страны.

В сентябре 1947 года решением Совета Министров СССР Всероссийская академия художеств была преобразована в Академию художеств СССР. Родилась новая государственная художественная организация, которая была призвана более широко и плодотворно решать задачи искусства социалистического реализма. В новую Академию художеств вошли представители всех республик, художники разных почерков, разных поколений и среди них старейшие мастера, носители большой художественной культуры, преемники высокого идейно-художественного наследия русского дореволюционного демократического реалистического искусства. Первые советские академики—это В. Н. Бакшеев, В. К. Бялыницкий-Бируля, А. М. Герасимов, С. В. Герасимов, И. Э. Грабарь, А. А. Дейнека, В. П. Ефанов, Т. Э. Зальцкалнс, Б. В. Иогансон, В. И. Касиян, П. П. Кончаловский, Кукрыниксы, М. Г. Манизер, В. И. Мухина, А. А. Пластов, М. С. Сарьян, К. Ф. Юон, В. Н. Яковлев...

С самого начала своего существования Академия художеств Союза Советских Социалистических Республик боролась за программность искусства, то есть за его идейность, партийность и народность, постоянную связь с жизнью. Всегда заботой нашей академии было и будет, чтобы для советского художника, в каком бы виде и жанре искусства он ни ра-

Рабочие Пресненского машиностроительного завода, ударники коммунистического труда электросварщик В. Шурканцев и токарь С. Андрюшкин собираются еще не раз побывать на выставке, чтобы полюбоваться понравившимися картинами А. Пластова, Ю. Пименова, Т. Яблонской, портретами В. Яковлева, Т. Салахова, деревенскими этюдами В. Цыплакова, в которых так ярко запечатлена жизнь нашей страны, ее люди.

У картины Александра Дейнеки начался разговор главного ученого секретаря Президиума Академии художеств СССР П. М. Сысоева с юными зрителями — школьницами из подмосковного города Калининграда. «Дейнека — замечательный мастер,— сказал П. М. Сысоев,— гордость советского искусства. Он настоящий новатор. А что значит новатор?» «Это тот, кто работает по-новому». «Правильно. Дейнека видел, какая небывалая новая жизнь бурлит вокруг».

П. Котов (1889—1953). ПОРТРЕТ ЭЛЕКТРОСВАРЩИЦЫ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО» Е. К. МИХЕЕВОЙ.

Е. Моисеенко. КРАСНЫЕ ПРИШЛИ.

Т. Салахов. КОМПОЗИТОР КАРА КАРАЕВ.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Лактионов (1910—1972). ПОРТРЕТ СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА П. И. ВОЕВОДИНА.

А. Дейнека (1899—1969). РАЗДОЛЬЕ.

Государственный Русский музей.

П. Кончаловский (1876—1956). ПОРТРЕТ Н. П. КОНЧАЛОВСКОЙ.

Государственная Третьяковская галерея.

Э. Калныньш. ПОСЛЕ РЫБНОЙ ЛОВЛИ.

Т. Яблонская. ВЕЧЕР. СТАРАЯ ФЛОРЕНЦИЯ.

— Нас поразила,— сказали супруги Ирина Николаевна и Владимир Васильевич Ткачук,— широта, напевное раздолье полотен узбекского мастера Урала Тансыкбаева. Удивительно, как он умеет совместить первозданное, вековечное и современность, обновившую древнюю землю Средней Азии. Тансыкбаев — замечательный художник. Он теперь стал для нас таким же любимым, как Кончаловский, Пименов, Сарьян...

В нынешнем году Ерсен Дюсенбенов поступил на первый курс режиссерского факультета.

— Я мечтаю,— сказал он,— сделать фильм о целинниках. О земле, о людях, пробудивших и обживших нашу целину. Картины Мочальского, искренние, живые, верно наблюденные и по-особому человечные, подсказывают, как можно немногословно и сжато рассказать о героизме, душевной щедрости и радости созидания.

ботал, главным объектом внимания был человек, а целью творчества — его вдохновенное участие в строительстве коммунизма. Академия час за часом, год за годом активно отстаивает позиции социалистического реализма — единственного направления в искусстве, вдохновляемого идеями гуманизма, человечности, прогресса.

На нашей юбилейной выставке особенно впечатляюще предстало, как много достигла Академия художеств СССР в своей благородной деятельности, каких успехов добилась в осуществлении высоких целей. Вглядываясь в экспозицию-летопись, мы видим, что творчество крупнейших наших мастеров неразрывно связано с жизнью народа, его историей, является выражением его радостей и печалей, мужества и бесстрашия, чаяний и дум. Здесь, в этих залах, нельзя не понять: великое советское искусство полно светлой гармонии человеческого духа, веры в торжество великих идей коммунизма!

2 000 работ. Сто шестьдесят пять авторских имен. Каждый художник представлен не одним-двумя, а многими лучшими своими произведениями. И праздничная выставка как бы собрана из множества отдельных блистательных экспозиций. Работы К. Юона, И. Грабаря, П. Кончаловского, С. Герасимова, А. Дейнеки, Б. Иогансона, А. Пластова, С. Чуйкова, Ф. Решетникова и других мастеров открывают перед людьми в ярких, незабываемых художественных образах страницы истории, пафос созидания, черты характера нового человека. Такие картины, как «Коммунисты» Г. Коржева, «Красные пришли» Е. Моисеенко, «Зимний взят»,

— Ровно сорок лет прошло со дня героической челюскинской эпопеи,— рассказал зрителям народный художник РСФСР, академик Ф. П. Решетников.— Я тоже, тогда совсем молодой, участвовал в походе «Челюскина». И когда произошла катастрофа, я вместе с моими товарищами выгружал из тонущего ледокола все необходимое для жизни в сердце Арктики... К юбилейной выставке я задумал написать несколько картин о подвиге челюскинцев. Первую из них — «Гибель Челюскина» — вы видите перед собой.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

— Я давно, много лет люблю художника Лактионова,— говорит московский инженер-конструктор Б. А. Цыганов.— Встреча с его картинами — всегда радость. Как надо любить человека, чтобы так вдумчиво и правдиво передавать его облик, чувства, внутренний мир... «Письмо с фронта». Да ведь эта картина словно бы вобрала все радостное предчувствие победы последних военных месяцев!

— Для меня эта выставка просто необходима,— сказал студент Абрамцевского художественного училища, посланец Бурятии Батомунко Чимитов.— Здесь представлены работы всех выдающихся мастеров советского искусства. Я собираюсь стать резчиком по кости. Буду продолжать исконно национальное искусство наших народных художников. И встреча на выставке с вершинами многонационального советского искусства учит меня, как выявить в своих работах национальный стиль, дух моего талантливого народа.

«В. И. Ленин провозглашает Советскую власть» В. Серова, «Новая Москва» Ю. Пименова, «Письмо с фронта» А. Лактионова, «Хлеб» Т. Яблонской и многие произведения других художников предстают живыми вехами, отмечающими главные этапы пути Родины.

Во многих городах нашей страны и социалистических стран стоят памятники, монументы, скульптурно-архитектурные ансамбли, выполненные нашими академиками. Эти произведения, в грандиозном масштабе претворившие в жизнь ленинский план монументальной пропаганды, не смогла бы вместить ни одна выставка! Но мы включили в юбилейную экспозицию макеты, а иногда и фотографии, чтобы хоть в какой-то мере познакомить тех, кто придет на выставку-праздник, и с этой яркой страницей деятельности советской Академии художеств, где значатся имена В. Мухиной, Е. Вучетича, А. Кибальникова, Г. Иокубониса, М. Аникушина, М. Бабурина, Л. Кербеля, В. Цигаля...

Русский пейзаж, без которого немыслима наша национальная школа живописи, развивается и сегодня, набирает красок, новизны в работах, поэтических или мажорных, динамичных или лирических, А. Грицая, Н. Ромадина, Г. Нисского, У. Тансыкбаева, Э. Калныньша...

Все пристальнее всматриваются наши художники в лица современников. И очень интересно наблюдать здесь, на выставке, как растет стремление художников к психологической глубине портрета. Особенно в работах мастеров-портретистов П. Корина, В. Ефанова, П. Котова, Д. Налбандяна, И. Серебряного, В. Орешникова...

В приветствии Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, направленном президиуму Академии художеств СССР в 1957 году в связи с 200-летием Академии художеств, говорилось:

«В настоящее время перед Академией художеств СССР, объединяющей в своих рядах лучших мастеров многонационального советского искусства, стоят большие и ответственные задачи».

Нынешняя юбилейная художественная выставка произведений членов академии — яркое подтверждение стремления ее коллектива быть достойным этих ответственных задач, создавать произведения, нужные нашему народу, в высокой художественной форме раскрывающие трудовые и ратные подвиги советских людей, их высокий моральный облик, красоту их помыслов, многообразие и неисчерпаемое очарование природы нашей Родины; произведений, несущих радость народу, мобилизующих его на свершение великих дел, на построение коммунизма.

Восьмилетней Наташе Черновой особенно понравилась бронзовая «Девочка с бабочкой» скульптора С. Д. Лебедевой.
— Какое хорошее лицо у девочки,— сказала Наташа.— А бронзовая бабочка! Она сидит на ладошке и, кажется, вот-вот улетит...

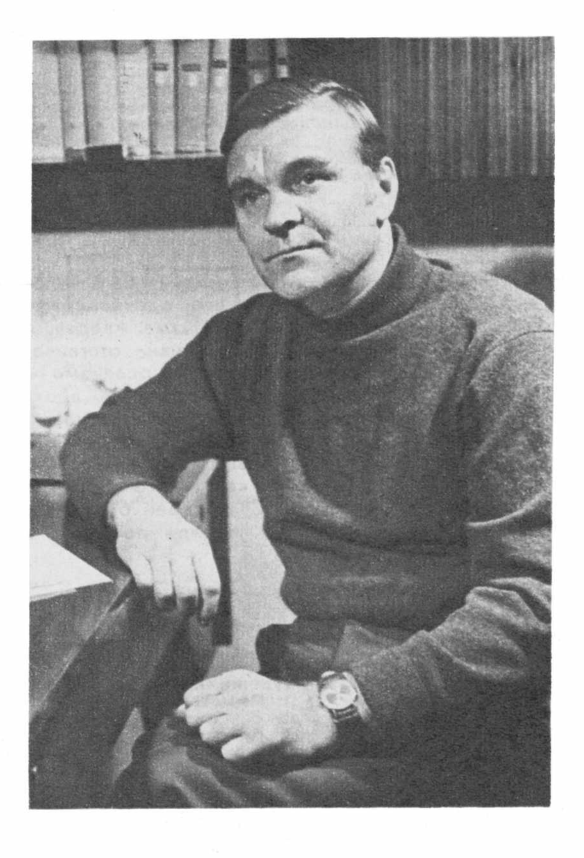
* * *

...Не прекращается, не иссякает поток посетителей на юбилейную, академическую. Идут люди разных возрастов, профессий, интересов. Дороги их, начавшиеся порой в очень разных точках громадной страны, перекрещиваются здесь, в светлых, высоких залах Манежа, возле полотен любимых художников. Люди радуются, задумываются, мечтают, открывают мир, вспоминают былое, намечают планы, проверяют самих себя... Так празднует свой юбилей всенародная Академия художеств Страны Советов.

15 марта 1974 года исполняется 50 лет Юрию Васильевичу Бондареву, видному советскому писателю, лауреату Ленинской премии, секретарю правления Союза писателей СССР, заместителю председателя правления Союза писателей РСФСР.

В ЭТОМ ЗА

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

В лирической новелле «Степь» Юрий Бондарев высказал ряд суждений, которые, по-моему, важны для понимания особенностей его таланта, его мировоззренческих основ. «Я помню себя все время в движении...», —пишет он, а затем добавляет, что эти вольные степные запахи и звуки предельно обостряли в нем ожидание чего-то такого, что подобно приближению к невиданной и неизведанной красоте, к обетованной земле, где все должно быть радостью.

Если первая мысль — о чувстве движения или, как сказал Блок, чувстве пути, свойственном истинному художнику, в общем-то согласуется с творческой биографией Юрия Бондарева, с его все более углубленным, философски-нравственным и эстетическим освоением бытия, то развитие этой мысли, самый ход ее не могут на первый взгляд не вызвать некоторой озадаченности.

В самом деле, писатель предельно обнаженной, беспощадной правды о войне, писатель, героев которого представляешь среди мертвенно-тусклых вспышек ракет, чесночного запаха тола, сухого треска автоматов, и вдруг говорит о земле обетованной, где соприкосновение мига прошлого с настоящим рождает красоту и чувство высшего счастья. Иначе говоря, во всем, что изображено им с достоверностью очевидца и участника важнейших событий века, Юрий Бондарев признает жажду эстетически возвышенного отношения к миру, жажду почти ритуальной радости жизни, слияния человека с природой. Казалось бы, это должно быть связано с детством в деревне, однако Юрий Бондарев принадлежит к тому поколению, сущность которого он сам определил веско и точно: «Как и мои герои, я был городским мальчиком, рано начавшим носить оружие».

Семнадцатилетний школьник, выросший в Замоскворечье, на всю жизнь сохранивший трепетную, я бы сказал, романтическую любовь к тихим, с тупичками, переулкам, столетним липам во дворах, теплу старых московских квартир, в июле сорок первого года оказался не просто на Смоленщине, не просто под Рославлем, но будто в другом жизненном измерении — вблизи от фронта, на оборонных работах. Что общего было между довоенным и этим угарно-душным, пылающим летом, в котором танковые клинья немецкого наступления неумолимо рассекали наши части, а выброшенный под Ярцево воздушный десант противника образовал опасную «пустоту» на Смоленско-Невельском направлении! С последним эшелоном по счастливому везению Бондареву и его одноклассникам удалось вырваться из вражеского окружения, выехать в Москву. А дальше — скитания по Средней Азии, по Казахстану в поисках эвакуированной семьи, работа на шахте, затем кратковременная учеба в военном училище и — Сталинград...

Все остальное, связанное с войною, с этим «огненным морем испытаний», связанное с послевоенным, сложным и трудным жизнеустройством,— в повестях «Юность командиров», «Батальоны просят огня», «Последние залпы», в романах «Тишина», «Двое», «Горячий снег», а также в кинофильмах, созданных по сценариям Бондарева.

Оценивая все сполна, о его творчестве, безусловно, следует говорить как о крупнейшем явлении в послевоенной литературе. И такой разговор идет как в нашей советской, так и прогрессивной зарубежной печати.

Надо заметить, что после окончания Литературного института, куда Бондарев поступил, демобилизовавшись, он отнюдь не помышлял быть романистом. Ему казалось, что его призвание — короткие рассказы и новеллы из жизни геологов, из жизни людей труда, которых он встречал в поездках и командировках.

Замысел первой повести о войне, «Батальоны просят огня», вернее, внутренний поворот к сложной, многоплановой вещи, где он смог бы выразить увиденное и пережитое за четыре долгих года войны, совпал по времени с большими нравственными изменениями в нашем обществе. То было время восстановления ленинских норм жизни, нового подъема общественного самосознания, повышенного внимания к морально-этическим проблемам в искусстве и литературе. Естественно, что минувшая война должна была получить иное, чем прежде, освещение, что жгучие вопросы гуманизма требовали своего разрешения и на материале военных лет.

> В этом зареве ветровом
> выбор был небольшой.
>
> Но лучше прийти
> с пустым рукавом,
> чем с пустой душой,—

писал Михаил Луконин, отвергая возможность какой-либо усталой опустошенности в душах сверстников-однополчан. Новая общественная потребность вызвала к жизни плеяду талантливейших молодых прозаиков, непосредственных участников Отечественной войны.

Юрий Бондарев решительно отверг представление о человеке на войне как некой «схеме». Ценностное отношение к личности, к ее праву выбора и ее правде — вот что явилось главным моментом в общественном развитии тех лет. И Бондарев первым обозначил этот момент в военных повестях. Долго и упорно размышляя о войне, обо всем «стреляющем и убивающем мире», он пришел к убеждению,

РЕВЕ ВЕТРОВОМ

что при всем том «человек — величайшая ценность данного мира, а его мужество и свобода его — это освобождение от страха, от зла, которые разъединяют людей». Он превосходно сознавал почти неразрешимое противоречие, возникавшее рядом с таким новым подходом к важнейшей проблеме: человек на войне переставал быть человеком, если не был способен понять неповторимую и особую ценность собственной жизни, равно как и ценность жизни других. Ведь война — это каждодневное, ежеминутное преодоление самого себя,— об этом говорил генерал Бессонов с сыном.

Такой подход к человеку на войне и определил особый гуманистический пафос бондаревских повестей и романов. В сознании писателя были живы те неисчислимые потери, которые мы понесли на войне, особенно великие потери русского народа.

Вместе с тем для стиля Бондарева характерен метафорический динамизм, повышенно-эмоциональный настрой. Эта образная напряженность создается благодаря выбору жестких конфликтных ситуаций, характеров, самой обстановки, которая способствует обнажению и этих характеров и этих конфликтов.

Конфликты между Ермаковым и полковником Иверзевым, Кузнецовым и комбатом Дроздовским неизменно возникают по поводу цены, которой может быть оплачена победа в той или иной военной операции. Бондарев, конечно, понимает, что у войны своя логика, что, как признается генерал Бессонов, «за все на войне надо платить кровью — за неуспех и успех, ибо другой платы нет...». Но одно дело, когда эта плата — следствие неизбежности и беспощадной необходимости, а другое дело — равнодушия к человеческой личности. Этот драматический водораздел между необходимостью и своеволием, ответственностью и равнодушием и стал для Бондарева главным обобщением военного опыта, а также прямым следствием школы войны — школы политики, школы духовного и интеллектуального возмужания.

Юрий Бондарев, прошагавший с противотанковым взводом от заснеженных волжских степей до Карпат, постиг не только, казалось бы, ту простую истину, что на войне нет выше ценности, чем человек. Он постиг и другое: каждый человек на фронте — это индивидуальность, это, по его словам, особый, ни с чем не сравнимый микромир. Старослужащий солдат Чибисов выскажет такую мысль по-своему: «Война вон какая огромная, разный народ воюет».

Действительно, Бондарев как художник настойчиво стремится передать, с одной стороны, огромность войны, ее всенародный характер, с другой — разность воюющих людей. Писатель изнутри изучил подробности жизненного опыта своих героев, их психологическое состояние в непредвиденных ситуациях, во взаимоотношениях в период относительного затишья, под бомбежкой, под артобстрелом, в только что захваченных вражеских окопах... Он знает их характерные словечки, выражения, реплики, шутки. Его зрительная память удивительна: она как бы держит в себе все приметы траншейного быта, все человеческие лица, всю эту солдатскую массу, которая вроде бы и однолика, но и разнохарактерна, вроде бы однотонна, но и пестра.

И вместе с тем не одни лишь факты окопного бытия, характеры героев, их сложные взаимоотношения воспроизводит Бондарев. Он стремится выявить психологическую, нравственно-философскую истинность происходящего в реальности, выявить, удержать, как раскаленную плазму, на кончике пера и воплотить ее в слове. А для этого ему необходимо отказаться от «серой прозы дневников», от громоздкой батальной фактографии, для этого нужно было следовать принципу сгущения, обобщения, типизации и фактов, и характеров, и впечатлений, и испытаний. «Правда о войне... это концентрация войны»,— решил писатель и неизменно придерживался этого решения. Вот почему, когда я упомянул о стремлении Бондарева выразить огромность войны, то имел в виду прежде всего этот принцип «концентрации войны». Сущность этого принципа заключается в том, что вместо «всей войны», «всего воюющего народа» писатель уплотнил пространство до стоящих насмерть «пятачков», плацдармов, высоток — и возвел их в степень обобщения всей тяжести войны. Причем эта непомерная тяжесть войны легла на плечи и тех самых мальчиков, рано начавших носить оружие, тех самых командиров взводов и батарей вроде Ермакова, Новикова, Кондратьева, Давлатяна, Кузнецова, о судьбе которых размышляет генерал Бессонов.

На заднепровском плацдарме сражается вместе со своими бойцами капитан Ермаков. В предместьях небольшого городка в Карпатах происходит действие повести «Последние залпы». На рубежах реки Мышкова закрепились противотанковые орудия Кузнецова, Давлатяна, Дроздовского. Именно вместе с Бондаревым в нашу литературу вошли молодые люди, скорее юноши, представляющие и весь народ и совершенно новую генерацию. Их гражданский, нравственный, психологический облик предстояло не только выявить из великого множества множеств, что само по себе было необычайно трудной творческой задачей, но и реально показать в драматических обстоятельствах истории нашего народа, показать каждого из них не «вообще», не приблизительно, не декларативно, а с углубленным проникновением в душевный микромир.

Юрий Бондарев превосходно справился с этой задачей. И здесь я вновь вижу новаторский характер его прозы, его высокое художественное мастерство.

Более того, чем тщательнее, жизненно убедительнее «прописаны» бондаревские герои в повестях и романах, тем глубже чувствуешь масштабы войны, ощущаешь ее нестерпимый жар, который, по словам поэта, «землю жег, броню стальную плавил»...

Характерно, что в киноэпопее «Освобождение», созданной по сценарию Ю. Бондарева, О. Курганова и Ю. Озерова, исторические события, сражения, человеческие судьбы и испытания, выпавшие на долю и рядового солдата и маршала, переданы средствами кинематографа и глобально и ярко.

Но какими же средствами в прозе Юрий Бондарев воссоздает огромность войны, это огненное море всеобщего испытания?.. Средствами талантливо художественно организованного времени и пространства. Теперь, когда со дня окончания второй мировой войны прошло почти тридцать лет, перед нами все зримее вырисовывается грандиозный контур эпохи. Вот почему принцип историзма стал неотъемлемым принципом романа «Горячий снег». Но и здесь художественное пространство Бондарев организует не только, к примеру, путем перенесения действия романа то в батарею Дроздовского, то в части армии Бессонова, то в ставку Верховного главнокомандующего, в Кремль. Нет, и в описании самой природы он пользуется яркими контрастами, противопоставлениями, когда образ зимнего солнца, что в радужных морозных кольцах стоит над сияющей белизной степи, как бы символизирует холод, спокойствие и равнодушие вселенной, а берега реки Мышкова — эта малая полоска земли, которая стала единственной преградой для танковых колонн генерала Гота, рвущихся на помощь сталинградской группировке Паулюса, превратилась в символ самой войны, ибо за несколько суток боя была изрыта артогнем, распахана танковыми траками, полита горячей человеческой кровью. Обилие таких метафорических и символических сопоставлений приводит к тому, что Бондареву действительно удается передать невыносимо рискованное положение под Сталинградом, которое «напоминало натянутую струну», готовую вот-вот «гибельно и непоправимо оборваться». Но и здесь писатель сумел создать то общее настроение, которое объединяло всех его героев — от наводчика Евстигнеева до командующего армией генерала Бессонова: ни один участник сражения не хотел и не мог терять надежду на общий поворот в войне, не хотел и не мог поверить, что придется опять все начинать сначала... Вот почему «Горячий снег» Бондарева раскрыл не только идейно-политические, но и нравственные, психологические основы стойкости и героизма советских солдат.

Столь же психологически точен писатель в тех случаях, когда он показывает кульминационный момент боя на огневой позиции лейтенанта Кузнецова, изображая его сложное внутреннее состояние: какой-то сумасшедший восторг перед своей разрушительной силой, его любовь, его ненависть, его азартное и неистовое единство с людьми, будто в мире не существовало ничего, что могло бы так, как этот бой, родственно объединить их.

Когда читаешь эти напряженные, исполненные драматизма страницы, то невольно вспоминаешь толстовское определение искусства как высшей степени сопереживания: здесь реальность изображенного писателем — по силе эмоционального воздействия — не уступает самим явлениям жизни, а в некотором смысле и превосходит их.

Нравственно-психологическое формирование Кузнецова, равно как и других героев Бондарева — Ермакова, Новикова, Сергея Вохминцева,— происходит медленно, вернее, настолько неприметно, естественно, что как-то не задумываешься над этим возмужанием, над этим повзрослением и духовным ростом его героев, а воспринимаешь как движение самой жизни.

И при всем том нет, пожалуй, такой общественной, нравственной и эстетической проблемы, которую бы не пытались уяснить для себя бондаревские персонажи: здесь и проблема выбора, и проблема добра и зла, и проблема милосердия, и ненависти, и любви, и смысла, и бессмыслицы войны. Именно об этом думает мрачно-серьезный Николай Кузнецов после смерти Зои Елагиной. В том, что он стрелял и поджигал вражеские танки, в этом был для него необходимый и очевидный смысл, и он хотел этого смысла. Но смерть Зои — это жестокость, с бессмыслием которой невозможно было ему примириться. Душевное очищение и прозрение приходят к Кузнецову через боль, через страдание, через неизбежное примирение с тем непреложным фактом, что война — это одновременно и смысл и бессмыслие. Вот почему столь знаменательна, столь символична концовка этой главы: Кузнецов, впервые ощутив непоправимость горя, вытирал рукавом лицо, и снег на его ватнике был горячим от слез...

Юрий Бондарев, как зрелый мастер прозы, нигде не прибегает к декларативным заявлениям и «лобовым» формулировкам. Словесная ткань его произведений густо метафорична, многоструктурна, сложна. Но его философская, эстетическая концепция вместе с тем ясна и глубоко продуманна; любое сражение, любой бой, который ведут его герои,— это сражение против смерти. Вот почему, отстаивая в жестоких битвах пространства жизни,— эту обетованную землю мира и красоты, незащищенность которой они ощущают каждой клеткой тела, герои проявляют такие душевные, моральные, гражданские качества, которые иначе, как прекрасными, как нравственными, невозможно назвать.

Анатолий КАЛИНИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЦЫГАН

Если цыгане, окружившие Будулая, все время, слушая его, молчали, ни разу не перебив, и только похоже было, что кнуты вдруг сразу оказались лишними у них в руках, они и вертели их перед глазами, рассматривая кожаные мохры, и начинали постукивать ими по голенищам сапог, то их менее сдержанные подруги начали сморкаться уже с того самого места, когда Будулай стал рассказывать, как чужая русская женщина подобрала в кукурузе и дала грудь его внезапно осиротевшему сыну. А когда Будулай кончил, над оврагом взметнулся их плач. Плакали все как одна цыганки, и, потрясенные, немо молчали цыгане.

Вдруг, озаренная догадкой, закричала Шелоро:

— Я эту женщину знаю...— От мотоцикла, на котором сидел Будулай, она метнулась к «Волге», подле которой стояла со своими адъютантами Тамила.— Я, Тамила, ее знаю, он правду рассказал.

Но тут один из телохранителей Тамилы заступил ей путь.

— Но, но! — угрожающе предупредил он, и кисточки черных усов вздыбились у него на губе.

Тогда Шелоро бросилась к Егору, напоминая ему:

— Егорушка, ты ее тоже должен помнить, это я от нее тогда мешок пшеницы принесла.

Егор поначалу безропотно согласился:

— Может, и от нее.— Но тут же ему почему-то захотелось доказать своим цыганам, что его мнение может и не зависеть от мнения его подруги жизни.— Но в глаза я ее не видел тогда.— И он шмыгнул кнутовищем за голенище сапога.

Теперь уже и другой адъютант Тамилы, стоявший по правую руку от нее, презрительно пошевелил стрелками усов.

— Ты где-нибудь это в другом месте, Шелоро, поищи дурачков, чтобы они поверили тебе, а цыгане все эти сказки знают.— И, взглянув на Будулая, он повел в его сторону стрелочками усов. — Ему, рома, тоже ничего не стоит вас по дешевке купить. Это он отрабатывает свои ордена.

Но при этих словах ропот прокатился по оврагу, смывая женский плач, и рассыпался на злые выкрики:

— Нет, он правду рассказал!

— Мы эту могилку все видели!

— Ты его орденов своими руками не цапай!

Однако и этот многоголосый гомон удалось перекрыть своим криком Шелоро.

— Я эту Клавдию знаю, я знаю ее,— смеясь и плача, доказывала она, хватая за руки Тамилу.

Та брезгливо отдергивала от нее свои руки. Вслед за Шелоро и все другие цыгане, отхлынув от мотоцикла Будулая, прихлынули к «Волге», наступая на адъютантов Тамилы:

— Ему нам не к чему брехать!

— Он с наших детишек проценты не берет!

— Ты сперва попробуй сама хоть один орден заслужить!

— Они только на «Волгах» умеют кататься!

Еще раз Будулай воочию мог убедиться, как неуловимо изменчив в смене самых противоположных настроений характер его племени. Вот уже руки цыганок, а первыми среди них руки Шелоро, потянулись к адъютантам Тамилы, дергая их за борта и карманы кожаных курток. У Шелоро были и свои счеты с ними, особенно с этим, который только что пытался заткнуть ей рот. Теперь он вместе со своими усиками так и влип в дверцу «Волги», а Шелоро нащупала уже и замочек змейки-«молнии» на его дорогой куртке с явным намерением распахнуть ее. Другого же адъютанта Тамилы старалась достать крючком своей палки старая цыганка. Дело приобретало совсем плохой оборот. Но Тамила со спокойным лицом продолжала стоять между своими адъютантами, как будто все происходившее с ними совсем не касалось. ее. Однако не успел Будулай подумать, что теперь, пожалуй, и ей не так-то просто будет прийти им на помощь, как она тут же заставила его убедиться в обратном.

— Так вам и надо! — вдруг презрительно крикнула она, расталкивая их руками от себя на две стороны и выступая из-под их охраны вперед.— За то, что вы так и не научились разбираться, когда вас обманывают, а когда человек захотел свою душу открыть. Все это правда, что он рассказал. Этого придумать нельзя.

Нет, для этой Тамилы многое надо было, чтобы выбить ее из седла. Еще и как сумела она в самый последний момент прийти на помощь своим молодцам, которые уже совсем было растерялись перед лицом разъяренно наступавшей на них толпы. Но для этого ей сперва потребовалось отречься от них. И теперь уже она могла безбоязненно продолжать в уверенности, что разбушевавшиеся цыгане не останутся равнодушными к ее словам. Теперь уже они захотят к ним прислушаться получше, как привыкли всегда прислушиваться к ней. Та же Шелоро невольно повернула голову, выпуская свою жертву с усиками, которую она уже обеими руками держала и трясла за воротник кожаной куртки. Ее примеру последовала старая цыганка, успевшая уже зацепиться своей клюкой за воротник другой, точно такой же куртки. А после этого и Егору, мужу Шелоро, ничего другого не оставалось, как тоже стыдливо вернуть на место свой кнут, извлеченный им было на всякий случай из его кожаных ножен.

Тамиле ничего другого и не надо было, чтобы эту разбушевавшуюся стихию окончательно ввести в ее берега. Оставалось только дать ей выход в другую сторону, чтобы она добушевала до конца, и она прекрасно знала, что для этого надо сделать. Наблюдавшему за ней с седла мотоцикла Будулаю ничего не оставалось, как восхищаться, видя, как она, зевая и прикрывая ладошкой рот, уже говорила цыганам в своем привычном снисходительном тоне:

— А теперь, рома, с нас на сегодняшний день уже вполне хватит всяких грустных и умных речей, теперь мы гулять будем. А там посмотрим. Из этого оврага нас никто в шею не гонит, и у тех же твоих русских, Будулай, хорошая поговорка есть: утро вечера мудренее. Правильно, Будулай? А если правильно, то поскорей слезай со своего железного коня и докажи всем другим цыганам, что ты все еще тоже цыган. Зажигайте, рома, на всю ночь костры, мне там в городе на асфальте негде плясать.

О, она хорошо знала, за какую нужно дернуть струну. Те же самые цыгане, повинуясь ее команде, со всех ног бросились в разные стороны по оврагу в поисках топлива для костров. Еще совсем немного времени прошло, и над первым из них уже взметнулся куст пламени, раздвигая темноту осеннего вечера. Задрожав по-цыгански плечами, Тамила в своем модном городском костюме первая вышла в круг. Еще одно только слово ей оставалось бросить назад через плечо своим верным адъютантам, донельзя обрадованным тем, что буря уже пронеслась над ними:

— Музыку!

И тут же неизвестно откуда появившиеся у них в руках гитары бурно взрокотали, с места беря разбег. А Егор Романов уже бежал к ним от повозки со своим стареньким баяном. Так же внезапно по мимолетному знаку Тамилы гитары в руках у ее адъютантов смолкли, и она с беспокойством крикнула вдогонку Будулаю, покатившему за рукоятки свой мотоцикл из светлого круга костра куда-то в сторону:

— А ты, что же, уезжаешь, Будулай?

— Нет, я только немного отъеду. Я тут недалеко,— не оглядываясь, ответил Будулай.

— А-а! — Она догадливо захохотала.— Если по твоим речам судить, то ты еще молодой, Будулай, а так, оказывается, ты уже старик. И какой же ты после этого цыган, если кобылка перед тобой ногой землю бьет, а ты от нее убежать спешишь? Боишься, как бы она тебе голову не закружила, да? — И видя, что Будулай, не оглядываясь, все дальше уводит свой мотоцикл, она захохотала еще громче.— Это тебе не лекции перед темными цыганами толкать.— Хотя бы отчасти она хотела выместить на нем за только что пережитое поражение, и то, что он не оглядывался, еще больше подогревало ее: — Ну, тогда спокойной ночи, бывший цыган, а я теперь танцевать буду. Мне там, в городе, негде по-цыгански танцевать, и я сегодня танцевать буду до утра.

И по ее знаку опять бурно взыграли в руках у ее адъютантов гитары, прервавшие свой разбег.

* * *

— В общем, цыган есть цыган,— дочерпывая из тарелки ложкой борщ, с уверенностью заключил Ваня.

И это не при ком-нибудь, а при ней, при Насте, и глядя ей прямо в глаза, с такой вопию-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5 — 10.

щей несправедливостью отзываются о том, кого она еще совсем недавно так любила, а может быть, еще и теперь... Но об этом она твердо поклялась самой себе никогда больше не вспоминать и никогда уже к этому не возвращаться. Теперь ей уже поздно думать об этом... И кто же все это говорит, его же собственный, кровный сын, хоть он до сих пор и не знает об этом. Но это уже из другой песни. И совсем не обязательно быть сыном Будулая, а достаточно просто увидеть его хоть раз, чтобы тут же поверить, что он не мог заслужить ни одного из тех слов, которые сейчас произносятся о нем за столом. И если эта женщина, ради спокойствия которой Будулай отказался от своего сына, теперь, сидя здесь же и молча слушая, не перечит тому, что говорит он о своем отце, то ей, Насте, уже не под силу молчать. Надо только набраться спокойствия, чтобы до конца выдержать эту взятую на себя роль.

— Ты же, Ваня, не можешь всех цыган знать, а говоришь о них так, будто знаешь,— тихо сказала Настя.

— А зачем мне их всех знать? Достаточно хорошо узнать одного, чтобы понять, чего они стоят.

Еще тише она спросила:

— Чего же они, по-твоему, стоят?

— А того, если вам хочется знать...— Ваня остановился.— Нет, вы обидитесь на меня. Лично вас я, конечно, не имею в виду.

— А ты, Ваня, не бойся, что я обидеться могу. Если уж начал, то говори... Договаривай до конца.

— Ну, если не обидитесь...— И тут Настя с тайной болью и невольным любованием увидела, как в глазах, в лице и во всей выходке его выступило то, что было так знакомо ей.

Как будто это сам Будулай, но еще совсем молодой, юный, сидел перед ней за столом и бросал все эти слова. Но только злой Будулай, а того Будулая, какого знала Настя, ей еще никогда не приходилось видеть злым. И при этом природное, цыганское так обозначилось в лице у Вани и осветило его откуда-то изнутри, что Настя на мгновение даже прикрыла ресницы и, не глядя на Клавдию, не увидела, а скорее почувствовала, как та тоже испуганно опустила глаза. Этот же полковник, ее квартирант, наоборот, подняв от стола свои глаза, смотрел на Ваню так, будто и видел и слышал его впервые.

— А того стоят, что нельзя верить ни единому их слову. Ни одному. Даже самому лучшему из них. Он тебе наговорит...— Ваня глубоко втянул в себя воздух, и что-то клокотнуло у него в горле...— Он тебе даже на своих же собственных цыган может наговорить за то, что они опять и кочуют и не работают, как все другие люди, а обманывают, или, попросту говоря, дурят других людей. Он тебе даже может поклясться, что сам уже никогда больше этого не позволит, никогда, а потом в один прекрасный день свой цыганский картуз в руку и — тоже за теми же самыми цыганами, которых только что ругал, тю-тю! — Что-то опять клокотнуло у него в горле, он смолк и, опуская голову, сказал: — Но только лично вас я ничуть обидеть не хотел. А если обидел, то вы, пожалуйста, извините меня.

У Насти, смотревшей на него, так и сжалось сердце. Бедный мальчик! Как же долго, должно быть, копилась в нем вся эта горечь, если теперь она с такой силой, почти с ненавистью выплеснулась из него! И ничем нельзя было его разуверить, ничем, кроме одного-единственного. Но даже и не глядя на Клавдию, чувствовала Настя, как кричало из ее глаз: «Только не это! Этого нельзя касаться!»

А этот полковник, ее квартирант, продолжал внимательно смотреть на Ваню неузнающими глазами и ничегошеньки, конечно, не понимал.

Но и не могла же Настя так и оставить безответными все эти слова.

— Все-таки, Ваня, ты не имеешь права так о цыганах говорить, потому что ты по своей молодости не можешь их знать. Среди цыган тоже, как и среди русских, разные люди есть. И вообще за глаза никогда, Ваня, не стоит говорить о человеке того, чего ты не смог бы ему в глаза сказать.

Если лицу Вани Пухлякова и вообще не надо было природной смуглости занимать, то за эти дни военно-полевых занятий в степи оно сделалось совсем черным. И все же при последних словах Насти краска обиды так густо прихлынула к его лицу, что проступила и сквозь эту черноту, а глаза Вани как будто подернулись пленкой. Опять таким знакомым показался для Насти этот взгляд, охвативший ее черным огнем.

— Если бы можно было, я бы ему и в глаза сказал, что даже и для цыгана должно быть стыдно, когда люди поверили ему, наплевать им в самую душу,— вздрагивающим голосом сказал Ваня.

Вот когда и эта женщина, его теперешняя мать, осмелилась наконец подать свой голос.

— Ваня, что ты говоришь?! — в непритворном ужасе сказала Клавдия.

Вслед за тем и полковник, быстро взглянув на ее побледневшее лицо, впервые вмешался в разговор:

— А вот я, Ваня, после войны так и не смог найти того самого цыгана, который под селом Успенским вытащил меня из горящего танка и три километра до госпиталя на себе тащил.

Настя увидела, как Клавдия так и ухватилась за эти его слова:

— Вот видишь, Ваня!

Но и понять эту странную женщину нельзя было до конца. Только что слово боялась вымолвить наперекор Ване, который так говорил о своем отце, и вот уже с явной благодарностью смотрит на этого полковника, когда тот заступился за цыган. И тут внезапно острая ревность за Будулая, который где-то теперь скитался по осенней степи, не зная ни о чем, проколола Настино сердце. Все больше поддаваясь этой ревности, но и с какой-то тайно забрезжившей надеждой Настя начала больше присматриваться к Клавдии и к этому полковнику. Конечно, она давно уже не верила всяким цыганским гаданиям, но кто знает, может быть, и правда, у ее соплеменниц есть что-то такое, что позволяет им с полуслова и с полувзгляда ставить в связь и понимать то, что бывает недоступно заметить и понять всем другим людям. И как бы ни смеялась она над своими темными соплеменницами, она ведь тоже цыганка была. Лучше присматриваясь к Клавдии и к ее квартиранту, она теперь все больше начинала замечать и ставить в связь то, чего не видела раньше и чему до этого не придавала значения, поглощенная разговором с Ваней. И то, что этот полковник все время молчал за столом, не вмешиваясь в разговор до тех пор, пока не вскрикнула при последних Ваниных словах Клавдия, а после этого, взглянув на нее, так и бросился к ней на помощь. И, конечно же, бросился не столько ради того, чтобы заступиться перед Ваней за цыган, а чтобы успокоить ее, Клавдию, и тем самым заслужить ее благодарность. Вот она и смотрит теперь на него, как на свет в окне, блеснувший посреди темной ночи. Конечно, Настины соплеменницы всё врут доверчивым людям, угадывая их прошлую и будущую жизнь по картам, по линиям руки, но здесь не надо было ни карт, ни каких-либо иных гаданий. Все было налицо. И все больше Насте казалось, что она улавливает эту связь, незамеченную ею прежде... С какой бы стати Клавдия в обычный, будничный день вырядилась и в это явно выходное бордовое платье с кружевным воротничком и щеголяла в нем, хлопоча по дому? Никакого другого мужчины, за исключением этого полковника, Ваниного начальника, здесь больше не было, и, судя по всему, он уже не первый день живет у нее в доме. А ниточкой, все более скреплявшей эту связь, понятно, должен быть Ваня, который и привез этого полковника к себе домой на военной машине. Все сходилось без всяких карт и каких-нибудь других гаданий, в которые давно уже не верила Настя. И все, что ей надо было выяснить, она теперь выяснила до конца, больше ей нечего было делать в этом доме. Михаилу, должно быть, уже не один раз и спутало и расчесало ветром его казачий чуб, пока он, высовываясь из кабины, выглядывает ее там, на окраине кукурузного поля.

Она поднялась из-за стола, прощаясь.

— Вы все-таки не сердитесь на меня, если я нечаянно обидел вас,— дотрагиваясь до ее руки своей рукой, виновато сказал Ваня.

Снова из его глаз глянуло на Настю такое нестерпимо знакомое, что она не удержалась и, притягивая руками его голову к себе, поцеловала его в лоб:

— Мне, Ваня, не за что сердиться на тебя.

В самом деле, за что ей было сердиться на него, если он так ничего и не знал, если это ему по его неведению казалось, что он так жестоко обманут.

И все же ей надо было поскорее отсюда уходить, иначе она не отвечала за себя.

Но, уходя, еще надо было выяснить кое-что. И, когда Клавдия вышла на крыльцо проводить ее, Настя как бы между прочим спросила у нее:

— А у этого твоего квартиранта есть семья или нет?

Не подозревая в ее вопросе никакого вероломства, Клавдия с грустным простосердечием ответила:

— Нет, Ваня рассказывал, будто его жену с малым дитем немцы в Киеве загубили, она еврейка была.

— И с той самой поры он так один и живет?

— Один.

И вдруг под пристальным взглядом Насти она вся так и облилась румянцем.

— А мужчина он еще совсем нестарый,— не сводя с нее взгляда, с удовлетворением заключила Настя. И неожиданно для самой себя добавила: — За таким мужем можно, как за печкой, жить.

Было похоже, что Клавдия намеревалась что-то ответить ей, но Насте уже ничего больше не нужно было. Семя догадки, запавшей ей в сердце, проклюнулось и дало росток. Попрощавшись с Клавдией, она повернулась и пошла от нее прочь по дороге, поднимающейся из хутора в степь, в гору.

Она уже стала огибать глиняную красную кручу, когда услышала за собой быстрые шаги и, оглянувшись, с удивлением увидела, что это Клавдия. Не накинув на голову платок, в чувяках на босу ногу, она почти бегом догоняла Настю.

— Подожди-ка! — крикнула она, взмахнув рукой. И, добежав до Насти, пошла рядом с ней, тяжело дыша.— Я немного провожу тебя, ладно?

Уловив в ее голосе что-то новое, пока еще непонятное, Настя повела плечом.

— Провожай.

Некоторое время Клавдия шла рядом с нею молча, мелкие камешки, нанесенные на дорогу из степи дождевой водой, с шорохом осыпались из-под их ног под откос дороги. Потом она тронула Настю за рукав.

— Ты не шибко спеши, мне еще надо у тебя спросить...— Полуобгоняя Настю, она зашла впереди нее.— Ты зачем приезжала сюда?

— Ты же знаешь, зачем,— не останавливаясь и обходя ее стороной, ответила Настя.

— Нет, еще подожди! — крикнула Клавдия, опять догоняя ее и опять заступая дорогу.— Ты, что же, думаешь, что я без тебя не знаю, за кого мне замуж выходить?!

— Ничего я такого не...— начала Настя.

Но Клавдия перебила ее. Загораживая Насте дорогу, она выкрикнула ей в лицо:

— А ты разве не знаешь, что я уже искала его по всей степи?! Разве ты не читала мое письмо?

Ни одной, должно быть, женщине не дано до конца понять свое сердце. А Настя еще и цыганка была. И, остановившись посреди дороги перед Клавдией, она сказала, глядя ей в глаза:

— Если б я знала, что он ко мне так же, как к тебе, и при мне был бы его сын, я бы с этим пузом все бросила, всю степь перевернула, а нашла его.

— Вот ты какая! — с изумлением сказала Клавдия.— Это что же ты хочешь сказать, что ты одна такая и любишь его больше всех, а другие ни капельки, да? Вот ты какая хорошая, но что ты в этом можешь понимать? И что же ты от меня требуешь, чтобы я сейчас стала рвать на себе кофту и тоже побожилась тебе, что без него для меня белого света нет?! Или же чтобы поднялась на эту глиняную кручу над Доном и крикнула всем людям, чтобы они мне разыскали его? — Клавдия передохнула и перешла почти на шепот: — А если об этом нельзя никому говорить, тогда что? Если об этом ни одна душа не имеет права знать, кроме тебя самой! — Она снова глубоко вздохнула, и к ней вернулся ее прежний голос.— Молодая ты, Настя, еще и не можешь этого понять.— Прислушавшись к шороху камешка, покатившегося из-под ее ног под откос дороги, Клав-

дия вслух как бы согласилась с какими-то своими мыслями.— А может быть, у вас, у цыган, и это все как-то по-другому. Я же тогда видела, как ты кружилась перед ним, и слышала, что ты говорила ему. Нет, я не обидеть тебя хочу. Каждый, видно, по-своему бьется за свое счастье. Но и бросить сейчас все, чтобы его по степи искать, я тоже не могу, это ты понимаешь? Чтобы все бросить и днем с фонарем свое счастье искать, а другие в это время пусть все делают за тебя? Ты совсем еще молодая, Настя, и, может быть, привыкла с места на место кочевать, а мне так жить нельзя. Я не могу за чужой спиной свое счастье искать. Только ты не обижайся, я ничего худого про тебя не хотела сказать. Видно, у каждого своя жизнь. Я ведь уже искала его, и если бы я только знала...

Но в этом месте Настя, все время терпеливо слушавшая Клавдию, прервала ее. Все время, пока Клавдия сбивчиво бросала ей в лицо эти слова, она смотрела не на нее, а куда-то в сторону, в туманное Задонье, а теперь повернула к ней голову и встретилась с ее взглядом. Непередаваемую усталость увидела вдруг Клавдия у нее в глазах. Как будто она только что несла на эту гору тяжелейшую ношу, и Клавдия услышала, как под тяжестью этой ноши до неузнаваемости изнемог ее голос.

— Ну чего ты пристала ко мне, я же его не стану тебе искать. Я уже ушла с твоей дороги, а ты хоть теперь с моей уйди.

И, отстранив Клавдию рукой, она, больше не оглядываясь, пошла вперед, в гору.

Вскоре ей послышались звучно рассыпающийся по сухой дороге топот, похрапывание и сердитый старческий голос:

— Тише вы, окаянные, еще подшибете когонибудь.

На всякий случай Настя отступила под кручу, прижимаясь к ней спиной. Она сделала это как раз вовремя, потому что тут же и выплеснулась из-за глиняной кручи горячая живая волна. Возвращался из степи в хуторские конюшни на ночь табун. И как бы, должно быть, ни хорошо было ему там, на степном, хотя и скудном уже осеннем приволье, возвращался он оттуда в обжитые стены нетерпеливой дробной рысью, отказываясь повиноваться своему табунщику, кричавшему дребезжащим голосом:

— Тихо, говорю, тихо! Я кому сказал!

Сбивая табун на это ослушание, впереди него, по-лебяжьи выгибая головы, неслись сосунки, заставляя и своих матерей срываться со степенного шага. Когда лошади поравнялись с Настей, ее так и опахнуло запахами степи. В спутанных своих гривах, на лоснящихся шкурах лошади несли их к Дону.

На этот раз Гром, должно быть, не заметил Настю, отступившую в выемку под глиняной кручей, а она не успела рассмотреть его в поднятом табуном облаке пыли. Ну и пусть, может быть, и к лучшему. Один раз утром встретились — и на том спасибо. На сегодня Насте уже достаточно всех этих встреч. Все как будто сговорились сегодня напоминать ей о том, что она сама давно уже поклялась выдернуть из своего сердца. И незачем, чтобы теперь это бессловесное животное с говорящими глазами лишний раз напомнило ей об этом.

Табун давно уже ссыпался под гору, а над дорогой все еще витало оставленное им теплое облако. И на губах у Насти, одолевающей крутой подъем, долго оставалась вяжущая сладость этого степного нектара, смешанного с солонцеватой горечью конского пота.

Михаил с грузом минеральных удобрений в кузове самосвала давно уже поджидал ее, и его выглядывающий из кабины чуб пламенел под вечерней зарей.

* * *

По всему оврагу разгорались костры, не было только между ними, как некогда в раннем детстве Будулая, шатров, но и теперь все тот же опрокинулся над его головой беспредельный шатер, на котором колосились и осыпались звезды и трепетали просверки отдаленных сухих молний. Неплохое, оказывается, он выбрал себе место для сна на опушке лесной полосы, над самым краем оврага, источающего свет и звуки бурного веселья, которому теперь по-детски предавались цыгане. Сверху переливался над его головой большой звездный путь, а внизу метались вокруг костров тени. И он не сомневался, что самая быстрая из них, метавшихся посредине оврага вокруг большого костра, была Тамила. Не может быть, чтобы она вот так просто и отказалась от того, ради чего сегодня приехала сюда на своей серебристой «Волге». Нет, она, конечно, постарается оттанцевать себе у цыган согласие на то, к чему ей так и не удалось склонить их словами. С пустыми руками она не захочет отсюда уезжать, а если ей не удастся теперь взять за свое поражение реванш, то, может быть, и Будулаю придется ждать от нее послов. Кого-нибудь из тех же ее ангелов-хранителей, понимающих ее с полуслова и на лету подхватывающих ее взгляды. Но, может быть, обойдется и без этого и ей удастся станцеваться с цыганами там, в овраге, откуда теперь доносился до него вместе со звуками музыки тот гортанный гомон, по которому его соплеменников можно узнать за сто верст. Теперь им до утра хватит танцевать и, слоняясь по оврагу от повозки к повозке, собираясь кучками, обсуждать то, что они услышали от него сегодня. Особенно женщинам. Но и после, когда они уже опять разъедутся по степи и пристанут на зимовку на окраинах городов и поселков, эта история будет сопутствовать им, разделяя и ввергая в тот непримиримый спор, в котором находился и Будулай с самим собой с того дня, как ушел он из хутора Вербного: правильно или нет поступил он, оставив там навсегда своего единственного сына?

Но теперь, что бы там ни было, а ему перед дальнейшей дорогой нужно поспать. Он давно уже не помнил, чтобы отходил ко сну с таким легким сердцем. Как будто свалился с него камень после того, как он наконец открыл свою душу людям, рассказал обо всем цыганам. Все это время он нес эту ношу сам, не разделяя ее ни с кем и ревниво оберегая от посторонних глаз, но от этого она становилась лишь тяжелее, и уже невмоготу ему стала эта тяжесть. И вот когда он неожиданно для самого себя открылся людям, они поняли его. Те самые цыгане поняли, о которых он до этого думал как о людях, чуть ли не самых слепых на земле. Сравнимых с тем же перекати-поле, которое, оторвавшись от своих корней, мчится по степи неведомо куда. А эти слепые вдруг заглянули ему своими глазами в самую душу, и впервые свалился с нее этот камень. Как будто они взяли и переложили на свои плечи самую тяжелую часть его ноши, а от этого неизвестно каким образом вдруг восстановилась у него и прервавшаяся внутренняя связь с Ваней, его сыном.

Давно уже не было ему так легко, покойно. Ах, как хорошо, отчетливо передаются по чистому воздуху ночи и эти баяны с гитарами и этот свет от костров из оврага. Даже отсюда можно представить, какая там сейчас разбушевалась буря, как мечутся по кругу, плещут крыльями и вихляются, выхваляясь одна перед другой, цыганки. А пуще всех, конечно, Тамила. Уж ее-то сегодня никто не сможет перетанцевать.

Позже, погрузившись в сон, скорее не услышал он, а своим чутьем разведчика уловил какое-то беспокойство неподалеку от того места, где лежал. Открыв глаза, отчетливо услышал, как мягко щелкнула дверца подъехавшей машины и от нее в его сторону зашелестели по траве легкие шаги. Сперва несколько человек направились к нему, но потом они остановились, и от них отделились только эти легкие шаги. Тонкая тень проскользнула между Будулаем и оврагом, со дна которого струился, переливаясь через его края, свет от костров.

— Ты еще не выспался, Будулай? — насмешливо спросил его голос Тамилы.

Нет, она не стала присылать к нему послов, а сама пришла. Значит, совсем плохи ее дела, так и не удалось ей дотанцеваться с цыганами до чего-нибудь в овраге. И это, в свою очередь, означало, что разговор, с которым она теперь вынуждена была прийти к Будулаю, предстоял не простой. Он невольно отодвинулся, когда она бесшумно опустилась рядом с ним на край его старой плащ-палатки, которая служила ему в дороге и подстилкой и одеялом.

— Ты не возражаешь, Будулай, если я посижу тут рядом с тобой, чтобы не намочить свою юбку в росе? — И, почувствовав в темноте его движение, засмеялась: — Да ты не бойся, я к тебе совсем не за тем пришла, о чем ты подумал. Мне этого добра и в другом месте хватает, а к тебе, как я вижу, все равно за этим было бы бесполезно приходить.— Не услышав от него ответа, она снова засмеялась.— Но, конечно, ты догадываешься, почему я к тебе пришла.

— Догадываюсь,— сказал Будулай.

— Вот и хорошо. Значит, и мне не нужно будет искать к тебе какой-нибудь подход. Ты на меня не обижаешься за то, что я тебя просто Будулаем зову?

— Меня все так зовут.

— А меня можешь тоже Тамилой звать. Я думаю, мы с тобой сможем быстро договориться друг с другом. Но сперва мне надо будет закурить. Ты, конечно, не куришь, Будулай?

Он промолчал, и она, достав откуда-то пачку сигарет, закурила, на миг осветив себя пламенем спички. Совсем близко от себя он увидел ее полные, чуть вывернутые губы, сжимавшие стебелек сигареты.

— Но, конечно, ты понимаешь и то, что если бы там, перед цыганами, не взял надо мной верх, я бы сейчас не пришла к тебе?

— И это я понимаю,— сказал Будулай.

Он не увидел, а почувствовал, как она усмехнулась в темноте.

— А теперь мне деваться некуда и надо было идти. Потому что без твоей помощи теперь мне никак не обойтись, Будулай. Те же самые цыгане не станут и слушать меня. А если бы я, скажем, вернулась к ним вдвоем с тобой, они, может быть, еще захотели бы меня слушать. Ты теперь у них герой. У меня к тебе, Будулай, одно деловое предложение есть.— Он пошевелился, и она, быстро дотрагиваясь рукой до его плеча, пыхнула в темноте сигаретой.— Только ты не спеши отказываться, это ты всегда успеешь. Сперва хорошенько выслушай, что я тебе скажу.

— Я, Тамила, слушаю тебя.

Ее глаза мерцали прямо перед ним, и он слышал запах каких-то духов, исходивший от нее.

— После того, как ты моих цыган совсем с толку сбил, я, конечно, уже не могла с ними говорить, на какой теперь выгодный товар лучше всего перейти. Но тебе, Будулай, скажу. Ну, например, на те же консервные... крышки.

По-русски она говорила совсем чисто, только это единственное слово и затесалось к ней, но сама она не замечала его, с деловитостью в голосе поясняя ему:

— Да, да, на крышки, Будулай. Какая-нибудь маленькая круглая жестянка, три копейки ей государственная цена, а когда сезон, люди согласны за нее по пятнадцать копеек платить. Теперь посчитай-ка, Будулай, только в одном этом овраге сейчас не меньше ста цыганских телег, а в каждую можно по десять тысяч таких крышек погрузить. Я уже подсчитала: сто двадцать тысяч рублей за один только рейс. Еще и с руками оторвут. Никому же не интересно, когда урожай с личного сада гниет. И мне тут близко от Ростова известно одно местечко, где эти жестянки в складе навалом лежат. Их уже лет десять никто не считал. Ты что-то хотел сказать?

— Когда-нибудь, Тамила, их должны будут сосчитать.

Она откачнулась от него.

— Обэхэс, да? Ты, кажется, хочешь меня тюрьмой напугать?

— Нет. Если бы я и захотел, тебя невозможно напугать.

Не без тщеславия в голосе она согласилась:

— Это правда. Мне ведь и по специальности бухгалтера-товароведа положено весь уголовный кодекс РСФСР на память знать, а у русских еще одна хорошая поговорка есть: от тюрьмы и от сумы отказаться нельзя. Я, Будулай, и не откажусь, когда придет мой срок, но я постараюсь, чтобы он не слишком быстро пришел. По моим годам мне еще пожить надо. Вот еще почему я пришла к тебе. Если бы ты согласился, ты бы мог мне и в этом помочь. Но только, Будулай, пожалуйста, не надо мне тут мораль читать, хорошо?.. Не люблю, когда мне начинают лекции на моральные темы читать.

Дотлевали на дне оврага костры, дотлевало

вместе с ними веселье. Среди голосов, доносившихся оттуда, уже не слышно стало голосов пожилых цыган, они, должно быть, уже разошлись к своим повозкам на покой, оставив у огня одну молодежь. И старые баяны свои они унесли с собой, оставив молодежь дотанцовывать ее новые танцы под музыку транзисторов, к которой прислушивались бродившие по оврагу кони. Сверху видно было, как они то и дело поворачивали головы к огню и уши у них беспокойно шевелились.

— Я и не собираюсь, Тамила, тебе лекции читать,— сказал Будулай.

— Вот и хорошо, так мы еще скорей сможем друг друга понять.— Она опять придвинулась к нему.— А теперь ты и сам, Будулай, можешь сосчитать, сколько на эти сто телег можно сразу кришек погрузить.— И тут же торжествующе сообщила: — Миллион! Если даже всем другим цыганам и полвыручки отдавать, то и тогда бы на нашу с тобой долю...— По-своему истолковывая его молчание, она тут же уступчиво предложила: — Но если для тебя это не подходит, Будулай...

— Не подходит,— подтвердил Будулай.

Должно быть, что-то в его голосе насторожило ее, потому что она требовательно переспросила:

— Только с кришками не подходит, Будулай, или вообще? Ты мне за мою откровенность тоже откровенностью плати.

— Нет, не только, Тамила, с ними.

— А!— Она снова отодвинулась от него.— Теперь я вижу, что цыганское радио не брехало, ты и в самом деле идейный ром. Но все равно я тебе не советую, Будулай, спешить. Еще неизвестно, может быть, и тебе сейчас еще больше, чем мне, нужна моя помощь. И я, кажется, знаю, чем смогу тебе помочь. Не хуже, чем та хитрая казачка, которой ты нашим глупым цыганам теперь на всю ночь голову забил. Не бойся, ничего плохого я о ней не хочу сказать, раз она твоему сыну заменила мать. Но если эта казачка его подобрала и отпоила своим молоком, то теперь уже, может быть, пришло время, когда ему больше нужна своя, цыганская мать. Чтобы она лучше помогла ему для будущей жизни свою природу открыть.— И, безошибочно перехватывая в темноте движение Будулая, она поправилась: — Ну, если не мать, то можно это и каким-нибудь другим словом назвать. Никто, конечно, не собирается его от этой колхозницы отрывать. Но и не должен же он теперь из благодарности к ней и себя на всю жизнь к деревенской жизни приговорить. Во всяком случае, уже не такая малограмотная женщина ему нужна, а городская, чтобы она помогла ему для будущей жизни и образование получить и все остальное.— И, опять подстерегая протестующее движение Будулая, она опередила его: — Знаю, что ты сейчас обо мне подумал. А я не хочу скрывать, что не от какой-нибудь своей доброты твоего сына вспомнила сейчас. Я, Будулай, и сама слишком добрых людей не люблю, по-моему, лучше от них подальше быть. Еще нечаянно и сам как-нибудь заразишься от них этой добротой и начнешь не так, как сам хочешь, жить, а как все другие, лямку тянуть. Гораздо лучше, по-моему, когда люди не этой ненадежной веревочкой связаны между собой. Вот почему и твоего сына я вспомнила, Будулай. Если бы не нужда, мне бы его можно было и еще сто лет не знать. Я в тебе нуждаюсь, Будулай, и если ты сегодня согласишься мне помочь, то завтра и я сумею тебя отблагодарить в том, в чем ты, по-моему, сейчас нуждаешься больше всего. Я ведь, когда тебе вздумалось перед нашими глупыми цыганами свое сердце открыть, прислушивалась не только к твоим словам, но и к твоему голосу, как он каждый раз спотыкался, когда ты имя своего Вани называл. И я, кажется, знаю, что тебе теперь больше всего нужно для жизни. Хоть ты и не хочешь в этом признаться самому себе, а больше всего боишься, как бы не обидеть эту свою казачку. Что же ты на все это мне скажешь, Будулай? — Она снова предупредила его: — Только не спеши и, прежде чем отказаться, подумай хорошо.

Будулай молчал. И что бы он мог ответить ей? Во всяком случае, она была откровенна с ним. Не скрывала за какими-нибудь лишними словами то, чего хотела от него. Но и вряд ли ему было бы теперь под силу разубедить ее в чем-нибудь. Она знала, что ей нужно от жизни. Ему всегда было жаль людей, которые своими же руками и уродовали свою жизнь, а она еще молодая была. Единственно он и мог сказать ей:

— Сына моего, Тамила, ты здесь зря вспомнила. И ты опоздала уже.

Она немедленно поинтересовалась:

— Почему?

— Потому что он уже не такой, чтобы его можно было заставить одну мать на другую поменять.

Она осведомилась:

— Сколько ему теперь?

— Уже двадцать почти.

Она согласилась:

— Да, поздно. И, кроме этого, ты ничего мне не скажешь, Будулай?

— Ты же сама не хочешь, чтобы я тебе лекции читал.

— Не хочу. Я и сама хорошо знаю все то, что мне могут сказать. Что-нибудь наподобие того, что женщина я еще молодая и даже красивая, но вступила на опасный путь. И это меня не может привести к добру. Так, Будулай?

— Может быть, и так.

— Вот это-то и скучно. Я когда и сама себе начинаю все это говорить, меня тоска берет. И не за этим же я к тебе сюда пришла. Как я понимаю, мы с тобой не договоримся, Будулай?

— Не договоримся.

— И это все, что ты можешь сказать?

— Все.

— А может быть, ты все-таки еще захочешь на закуску мне какую-нибудь лекцию прочесть? Так и быть, валяй, я слушаю тебя.

— Нет.

— Почему же? Ведь ты же, Будулай, умеешь так заговаривать своими жалостливыми словами доверчивых цыган, что потом они и заснуть не могут. Видишь, еще и сейчас слоняются по оврагу, как овцы без пастуха. Ты и меня своими словами о потерянном и найденном сыночке сумел так разжалобить, что еще немного — и потекла бы драгоценная заграничная краска с моих ресниц.— Голос у нее упал, как будто какая-то струна все время натягивалась в горле у нее и внезапно ослабла.— А может, и правда, Будулай, нам с тобой лучше будет договориться так, как ты подумал, когда я только что пришла к тебе. Я, конечно, здесь твоего Ваню совсем зря приплела, ты прости меня. Мне теперь без твоей помощи с этими овцами ни за что не справиться, Будулай, и я совсем потеряла разум. Мы с тобой люди взрослые, и я уверена, что ты потом не будешь жалеть. У тебя на самом деле с самых тех пор так и не было жены?

Он молчал. Отблесками меркнущих на дне оврага огней освещало ее. Никто не мог бы сказать, что некрасива она была с этой своей модной прической, с цыганскими глазами на не цыгански белом лице и с приподнявшейся в ожидании его ответа полной губой, из-под которой поблескивали белые зубы. Но тут память подсунула Будулаю другое женское лицо. Тогда тоже была ночь, озаряемая отблесками костра, и совсем другая женщина тоже была совсем откровенна с ним, предлагая себя. Только она ничего не потребовала взамен, а просто протянула ему на ладони свое сердце. И чувство вины перед Настей с новой силой охватило Будулая, хотя он и знал, что ни в чем не виноват перед ней. А эту женщину, которая сейчас сидела перед ним в ожидании его ответа, ему опять стало жаль, как всегда бывало жаль тех людей, особенно женщин, которые своими же ногами и затаптывали себя, свою душу.

Его затянувшееся молчание не обмануло ее.

— Ты только не вздумай меня жалеть, я больше всего ненавижу, когда меня начинают жалеть.— Уголек сигареты озарил ее лицо розовым светом.— И если тебе, Будулай, еще никто не говорил, то, значит, я должна сказать: не цыган ты, а выродок из цыган и, значит, самый опасный для них человек. Вот такие, как ты, добрые и есть самые опасные люди. Из-за своей доброты они ни себе, ни другим людям жить не дают. А я, Будулай, хочу жить так, как я хочу.

— Для этого, Тамила, ты и со своих цыган проценты стрижешь?

— На то и глупые овцы, чтобы стригли их. Но я им тоже даю жить. А такие, как ты, не дают им жить так, как они хотят. До этого дня все цыгане в этой степи были у меня в руках. Я для них в этой местности все равно, что княгиня была, а теперь из-за тебя стала чужой. Такое не прощается, Будулай.

— Не надо меня, Тамила, пугать.

— А я-то подумала, что ты еще не забыл цыганскую жизнь.

— Ни цыганской, ни русской жизни отдельно не может быть.

Ничего больше не ответив на его слова, она гибким движением поднялась, на миг заслонив собой слабое розовое пятно на дне оврага от последнего костра, и вот уже ее легкие, быстрые шаги, удаляясь, зашелестели по траве...

Окончание следует.

С САМИМ СОБОЙ

В издательстве «Молодая гвардия» выходит серия небольших книжечек-брошюр под общим заглавием «Наедине с самим собой». Это обращенные к молодежи беседы-раздумья интересных людей о том, что является первоосновой в жизни человека — о его нравственности, духовных связях с людьми.

В этой серии недавно вышла книжка Риммы Лихач «Дней бесследных нет». Ее автор — человек трудной судьбы, мужественного и щедрого сердца. Римма Лихач — участница Великой Отечественной войны, санинструктор; в течение последних двадцати лет она не расстается с фотообъективом — объездила всю страну, выполняя задания редакции. Целый мир огромной, напряженной работы страны и океан отдельных человеческих миров распахнуты перед журналистом — думай, вникай, сопереживай, но вдруг тяжелая болезнь вырывает Р. Лихач из активной жизни... Кажется, все должно сосредоточиться на этой личной трагедии. Но можно, хотя это и очень непросто, поступить иначе — обратиться к общим людским горестям и радостям.

Написанная в форме дневника, доверительно и сдержанно, книга раскрывает нелегкую повседневную жизнь больницы, напряженную исследовательскую работу врачей Центрального института травматологии и ортопедии, куда приезжают за опытом зарубежные светила-врачи. Палата, где месяцами неподвижно лежат больные, оказалась для Риммы Лихач кладезем людских страстей, а каждый из встреченных ею здесь — обособленной, неповторимой и трудной судьбой.

Вот главный врач Константин Митрофанович Сиваш, хирург и инженер, вживляющий искусственные суставы, влюбленный в свое дело, а главное, сострадающий человеку. Тоня, в течение двадцати лет прикованная к постели, признанный авторитет палаты, умеющая каждому помочь, быть нужной; сердитая, подавляющая всех своими разговорами Степанида; рядом — болгарка Петрика, пережившая на виду у всех, незащищенно и достойно, свою сердечную драму...

Не сразу познает Римма Лихач окружающих ее людей: откуда одни берут силы, сопротивляясь болезни, оставаясь человечными, добрыми в тяжкую пору жизни, и почему другие превращаются в эгоистов, потребленцев, нытиков.

Мысль автора идет от единичных наблюдений к обобщениям, часто обращаясь к собственному опыту и опыту друзей, а память ее все кружит и кружит над главной темой — темой войны. Эти воспоминания, параллели закономерны. Здесь, в больнице, многое напоминает войну: смерть, страдания, борьба за жизнь, за человека. И — как на фронте — победа или смерть.

За стенами больницы — тихое небо, цветущие яблони в саду, смех прохожих, а душа больного — незатихающее поле боя, и он победит и выживет только в том случае, если сам хорошо вооружен мужеством, а его друзья — милосердием. Пройдя через такое испытание, человек особенно остро чувствует радость бытия. «Жить и видеть — это и есть счастье» — такая, кажется, совсем уж простая истина в конце книги звучит как большое гуманистическое откровение автора.

Лидия ВАСИЛЬЕВА

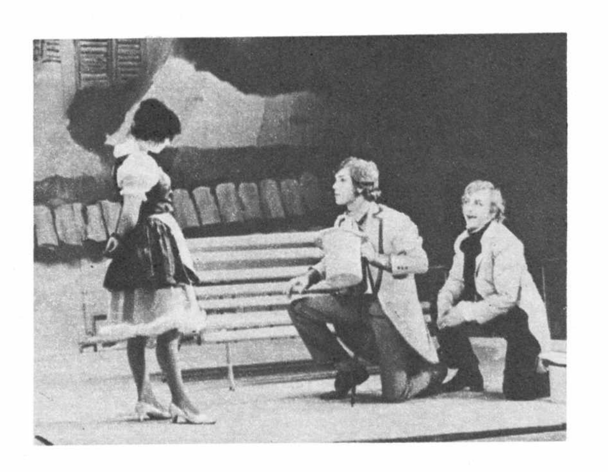
ПОВЕДУ Я С

Геннадий МОРОЗОВ

ЛЕТО В КАСИМОВЕ

День стоит весь в брызгах света,
Переливчато лучась...
Ослепительное лето
Под Касимовом сейчас!
Пьет здесь солнце воздух свежий,
Пену облачную рвет...
Красным носом воду режет
Белобокий пароход.
Женщина белье полощет,
А в руках поет валек...
За стволами шумной рощи
Зажигается цветок!
И вибрируют и реют
Реактивных два крыла...
И качаются деревья,
Кроны, как колокола.
Как ребенок, удивленно

НОВОСТИ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ

ТАШКЕНТ.

НОВОСЕЛЬЕ

4 августа 1973 года — день рождения нового театра в Ташкенте — Театра оперетты.

Первоначально его спектакли шли на сценах различных театров — Мукими, Хамзы, во Дворце текстильщиков. Творческий коллектив под руководством главного режиссера театра Льва Михайловича Вильковича не прекращал работы ни на один день.

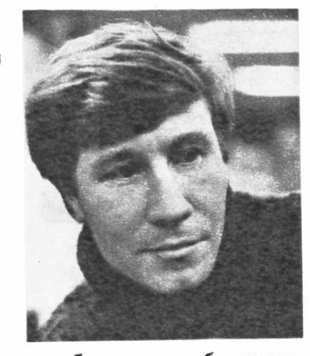
И вот недавно Государственный театр оперетты вместе со зрителями отпраздновал новоселье в новом здании. Этим радостным событием поклонники оперетты и творческий коллектив театра обязаны узбекским строителям, а также их московским коллегам.

Тепло встретили ташкентцы в спектакле «Фиалка Монмартра» молодых исполнителей, выпускников Московского музыкального училища имени Гнесиных. Сейчас они готовят к постановке «Девушку с голубыми глазами» В. Мурадели, «Летучую мышь» И. Штрауса, «Цыган-премьер» Кальмана... Особенно отрадно, что театр поставил спектакли на местном материале. К юбилею республики создаются две такие оперетты.

В. СВАРИЧЕВСКИЙ

Фото автора.
Сцена из спектакля «Фиалка Монмартра».

ПЕСНЕЙ РЕЧЬ

Глаз лиловый округлив,
В небо смотрит жеребенок,
Уши чутко навострив!
Сердце любит без оглядки,
Под рубахою дрожит...
Зеленит трава мне пятки,
Лето —
Губы шелушит!..

ПОЗДНЯКОВО

За деревней Поздняково,
Где стоймя стоит луна,
Окликается Окою
Переломная волна.
По зеленому овражью
В рост трава да пни-кряжи...
В нос шибает жаром бражным
С каждой стриженой межи.
Я иду тропой умятой,
Рожь царапает плечо...
А в лицо целебной мятой
Лето дышит горячо.
Пот со лба стирая кепкой,
На развилине дорог
Взглядом глажу я сурепку
И веселый василек!
И как прежде сердцу дорог
Пахоты пахучий ком,
Где с пригорка на пригорок
Бегал в детстве босиком.
Здесь в полях войны железо
Обратилось в прах и тлен...
А над маковками леса
Вырос лес телеантенн!

В МЕТЕЛЬ

Снега свист и ветра храпы,
А метель все злей и злей.
И глухой звериной лапой
Лес ворочает во мгле.

Снег сечет, иглою колет,
Кожу рвет мороз с осин...
Эко дико в зимнем поле!
Страх тому, кто в нем один!

Скоро хряснет лед на речке,
Поведу я с песней речь...
Натоплю-ка жарко печку,
Лампу стану ярко жечь!

* *
*

Внезапно гроза разразилась,
И мрак навалился глухой...
Но летнее небо открылось,
И воздух потек золотой.

И сам я как будто от дремы
Очнулся, сощурил глаза...
С накатами первого грома
Над речкой играла гроза.

Срывая кочкарник копытом,
Храпящая лошадь неслась,
А шумное вольное жито
Металось, к земле приклонясь.

И ветер выкручивал сучья,
Но в тучах нащупав прогал,
Метнулся от солнышка лучик,
И свет на реке заблистал.

А леса стволистого своды
Гудели все глуше и злей
Над всей потрясенной природой,
Над чистым пространством полей.

НА СТРОЙКЕ

Работаю разнорабочим
И тягость работы терплю...
Характер становится жестче,
Как камень,
Который кайлю.
Сжигает жара мою кожу,
Стал волос от солнышка рыж!
«Эй, рыжий,
Да разве так можно!
Эй, рыжий,
Да ты обгоришь!»
Кричат мне друзья-работяги:
«Кончай,
Чти обеденный час...»
Мы курим, глотаем из фляги
Шипучий и пенистый квас...
И снова кайлим и копаем,
И зубы и кости скрипят...
До солнца почти поднимаем
Блестящие лица лопат...

г. Касимов,
Рязанской обл.

МИНСК

И СНОВА МИНСК

«Филармония (Концертный зал). Абонемент № 7». «Рабочим и служащим приборостроительного завода имени В. И. Ленина. Абонемент № 21». «Строителям Советского района Минска». «Симферопольские концерты. Дирижер В. Родэ».

...Она уже была в Минске — без малого тридцать лет назад. Тоже как дирижер. Только военный: дирижер дивизионного оркестра — старший лейтенант Вера Родэ.

Студентка Московской консерватории Вера Родэ ушла на фронт добровольно. Политотдел гвардейской дивизии дал ей два задания: создать оркестр и дивизионный ансамбль. Она создала. Офицер Родэ прошла с дивизией от Москвы до Кенигсберга через Белоруссию — Оршу, Минск, Гродно. Войну старший лейтенант Родэ закончила с пятью боевыми наградами.

После победы снова жизнь в музыке. И снова свидание с Минском. С теми людьми, кто в минувшие тридцать лет вдохнул в него новые силы, кто прославил и славит его нынче своим трудом.

А. ЩЕРБАКОВ

МУРМАНСК

ВЕСЕЛЫЙ ВЕТЕР МУРМАНА

Ночь... Не простая — полярная. Во мгле едва угадываются неровные очертания скал, и нет грани между темным небом и темной землей. Глухо и монотонно звучит барабан. Но вот еле уловимо начинает светлеть край неба, и глаз различает фигурки в их медленном, осторожном движении. А свет все разгорается, в монотонный звук барабана вплетается веселая мелодия... Можно различить рисунок на одеждах, на ярких, праздничных нарядах саамских девушек и парней. И — вот он, алый краешек солнца, показался из-за сопки. Музыка звучит празднично, чисто, а люди, радостно всплеснув руками, на мгновение застыли перед явлением света. И снова кинулись в танец — веселый и озорной, красивый и быстрый танец весны. Это «Саамская сюита» в исполнении мурманского народного ансамбля песни и танца «Веселый ветер».

Танец хорош и хореографией и музыкой... Музыку писал Владимир Андреевич Тишкин. Ставили сюиту художественный руководитель ансамбля Олег Григорьев и его жена, педагог-репетитор Нина Григорьева. Оба выпускники балетмейстерского отделения института культуры.

А кто же танцоры ансамбля? Это именно те люди, кто умеет идти навстречу полярному ветру. Например, Николай Азаров, он плавает на атомоходе «Ленин». Сейчас атомоход прибыл в порт, и Николай пришел в клуб моряков, в свой ансамбль. Он будет участвовать в концертах до тех пор, пока атомоход снова не отправится во льды.

— Молодежь самых отважных профессий поет и танцует в нашем ансамбле,— рассказывает художественный руководитель Мурманского клуба моряков Лариса Михайловна Макавеева.— Конечно, больше всего «морских волков». Но есть и конструкторы, и рыбаки, и педагоги, и строители. В программе — русские, украинские, саамские танцы, танцы северных оленеводов. Ездим по городам и поселкам нашего полуострова в любое время года, стараемся радовать тех, кто строит, добывает руду, трудится на земле и плавает в наших холодных морях.

Н. ХРАБРОВА.

Фото Н. Ананьева.
Выступает ансамбль «Веселый ветер».

НЕ БЫЛО КРЕПЧЕ СПЛАВА

Кажется, что горячий отсвет плавки лег на книгу «Великая битва за металл», недавно выпущенную в свет Профиздатом. На обложке красноречивейшие цифры — 1941—1945 — уже как бы сами по себе характеризуют устремления автора, тот пропагандистский подтекст, который делает содержание нужным и важным не только для читателей-металлургов. С интересом раскроют книгу все, кому близка и дорога история роста и мужания нашей страны, и особенно история победы советского народа над гитлеровскими захватчиками.

Исход этой борьбы во многом решался великим — именно великим подвигом тыла, а в нем — металлургов, на чью долю выпало невиданное по своему размаху единоборство с металлургией Германии и оккупированной капиталистической Европы. И хотя вначале соотношение сил складывалось явно не в нашу пользу, рабочий класс, советские труженики, героически боровшиеся против врага возле доменных и мартеновских печей, у прокатных станов, непрерывно наращивали выпуск металла, особенно качественной стали, от которой во многом зависела победа на фронтах.

Металлурги это отлично знали!

Проделанную ими за годы войны работу поистине можно назвать небывалой, титанической. И шла она в высоких революционных традициях доблестного рабочего класса, утвердившихся с тех самых пор, когда умение преодолевать любые трудности было залогом успеха в борьбе русских пролетариев, их ленинской партии.

Уже тогда рабочие-металлурги, наделенные выдержкой и упорством, являлись верной опорой марксистов-ленинцев. И недаром подчеркивал Владимир Ильич, что металлисты представляют собою в России «передовой отряд пролетариата».

Огромный фактический материал собран доктором исторических наук, профессором Г. Г. Морехиной, чья книга опровергает ту ложную «концепцию», что война-де застала Советское государство врасплох. Что и говорить, к началу войны техническая реконструкция нашей тяжелой промышленности еще не была полностью завершена, и когда вражеские армии прорвались к жизненно важным центрам страны, над Родиной нависла смертельная опасность.

Труженики черной металлургии в сложнейших условиях вывозили оборудование на восток. Люди работали, не жалея себя, за невиданно короткие сроки создавая новые центры производства чугуна, стали, проката... Трудовой ритм нарастал с каждым днем; в авангарде всесоюзного соревнования шли кузнецкие и магнитогорские металлурги, и многие среди них, пишет автор, с честью завоевали звание правофланговых.

В книге приведены многие факты, названы многие славные имена: Нурулла Базетов с Верх-Исетского завода, Ибрагим Валеев — знатный сталевар Уралмашзавода, Александр Чалков с Кузнецкого, вырастившие прекрасную смену, новые отряды талантливых металлургов.

Опыт передовиков, скоростные плавки становились достоянием десятков тысяч мастеров огненной профессии. И все это помогало фронтовикам перетягивать чашу весов на сторону победы... Она была завоевана тем оружием, которое ковали металлурги.

К приближающемуся тридцатилетию со Дня Победы книга Г. Г. Морехиной дает незаменимый материал. Публицистические раздумья подтверждают здесь проделанное автором глубокое историческое исследование большой, серьезной темы.

С. КАЛОШИН

В ОСОБОМ РАЙОНЕ КИТАЯ

В. ВАСИЛЬЕВ

П. Владимиров

«Итак, мы в Ланьчжоу. После старта нашего ТБ-3 в Алма-Ате это четвертая ночевка на китайских аэродромах.

...От Ланьчжоу до Яньани по прямой чуть меньше шестисот километров, но наш курс — на северо-восток, к Великой китайской стене.

...ТБ-3 приземлился в речной долине между склонами гор. Нас ждали Долматов, Алеев и китайские товарищи. «Рад приветствовать дорогих советских друзей»,— сказал Мао Цзэ-дун, пожимая мне руку.

...Кан Шэн обнял и поцеловал меня,.. шипел мне на ухо: «Мы великие братья...»

Такими записями начинается дневник Петра Парфеновича Владимирова, который в качестве связного Коминтерна при руководстве ЦК КПК был направлен в мае 1942 года в Яньань — Особый район Китая [1].

Но П. П. Владимиров критически воспринимал щедрые похвалы в адрес советских людей от председателя КПК и руководителя цинбаоцзюй (тайной службы). Он довольно хорошо знал последнего, чтобы не усомниться в искренности сказанного.

«В бытность мою в Ланьчжоу,— записал в дневник П. П. Владимиров,— он достаточно пакостил советским людям. Наши ребята сражались в небе Китая, несли потери, причем японцы теряли вдвое, втрое больше людей и машин. Там, где появлялись советские истребители, японские бомбардировщики к цели не прорывались. А на земле сотрудники Кан Шэна шпионили за каждым советским человеком. Я так и не отрешился от впечатления, что под личиной этого ответственного работника скрывается враг китайских коммунистов».

Дневники рисуют яркую и подлинную картину борьбы китайских коммунистов и их вооруженных сил за национальное и социальное освобождение народов Китая, за победу народной революции. Они проникнуты глубоким уважением к коммунистам и революционерам Китая, к солдатам китайской народно-революционной армии, с которыми он делил тяготы и лишения, связанные с борьбой за свободный Китай. Петр Парфенович во время пребывания в Яньани с мая 1942 по ноябрь 1945 года, изо дня в день анализируя и обобщая события и факты, создал уникальный материал. Он, как коммунист-интернационалист, глубоко сознающий ответственность перед своей партией, народом, всегда стремился вникнуть в суть происходивших явлений, осмыслить их.

Автор дневников достоверно описывает очень важный и трудный период борьбы КПК, ее успехи и неудачи, разногласия и внутрипартийную борьбу в ее руководстве. Читая дневники П. Владимирова, мы восстанавливаем подлинную историю КПК того периода, которая, как и предыдущие и последующие ее страницы, была фальсифицирована в Китае в угоду Мао Цзэ-дуну. В них мы видим приемы и методы, которыми Мао Цзэ-дун пользовался в борьбе за узурпацию власти в партии, а также истоки нынешнего антимарксистского, авантюристического курса маоистов.

Этими же методами для расправы со своими противниками пользуются Мао Цзэ-дун и его приспешники и в последующие годы. И поныне Китайская Народная Республика является ареной трагических событий, поставивших под угрозу завоевания китайской революции.

Автор книги был живым свидетелем жестокого и кровавого террора, который насаждал Мао Цзэ-дун, прикрываясь фразами о социализме и демократии, в целях установления личной власти.

Спустя чуть более месяца со дня прибытия в Яньань П. Владимиров сделал следующую запись в дневнике:

«Мао Цзэ-дун проводит политику вразрез установкам и положениям Коминтерна. Но что им руководит?

Накануне вылета в Яньань меня ознакомили в Москве с решением ИККИ по поводу создания единого антияпонского фронта.

Главная задача КПК: прекращение гражданской войны, совместные действия с Гоминьданом и объединение всех сил китайского народа для защиты целостности и независимости Китая от агрессии. Политика КПК должна подчиняться решению этой задачи. Вот смысл этого документа: мнение, будто союз КПК с Гоминьданом есть капитуляция перед Чан Кай-ши, льет воду на мельницу прояпонских элементов и способствует разжиганию внутренней междоусобной войны. Нужно обратить серьезнейшее внимание на происки троцкистских элементов, которые своей провокационной деятельностью в Китае пытаются сорвать дело единого антияпонского фронта и являются прислужниками японских захватчиков.

Не на позициях ли троцкизма окапывается Мао Цзэ-дун?»

Как видно, с первых шагов коммунисты-интернационалисты сталкивались с враждебным отношением со стороны отдельных китайских руководителей. Их меньше всего беспокоила судьба мирового революционного движения, им важно было отсидеться в Особом районе. Какой ценой куплена эта возможность и где решается будущее мирового революционного движения, в том числе и их собственное, им безразлично.

«Моя задача,— пишет П. Владимиров,— в сложившейся недружелюбной обстановке, не сдавая принципиальных позиций, наладить отношения с китайскими товарищами. Задача очень сложная, учитывая необычно возросшее влияние Кан Шэна в КПК.

...Похоже, что власть в Особом районе забрал этот человек. Однако вызывает недоумение позиция Мао Цзэ-дуна».

«Я должен, обязан разобраться в существе политики руководства КПК. Не показной политики, а действительной».

Эту тяжелую задачу П. Владимиров выполнил.

«В Советском Союзе,— пишет он о Мао,— несмотря на все его заявления о дружбе, он видит идейного недруга... Этот антисоветизм имеет уже десятилетнюю историю».

Хорошо зная Мао Цзэ-дуна, часто встречаясь с ним, наблюдая его в быту, автор дневников очень точно подметил, что у Мао Цзэ-дуна нет друзей, есть только нужные люди:

«Революцию он не представляет иначе, как свою собственность... Партия и народ — всего лишь фикции (нение абстрактные величины), которые служат его целям».

Беседуя с Мао Цзэ-дуном и его окружением, П. Владимиров убеждается в том, что они относятся к СССР далеко не дружественно. В самую тяжелую для нашей страны пору, когда Советский Союз в одиночку отражал нашествие фашистских орд, когда решался вопрос о будущем народов мира, о судьбах человеческой цивилизации, когда победа или поражение СССР будет победой или поражением Китая, Мао Цзэ-дун заявил советскому представителю:

«В случае войны японцев против СССР мы будем вести только мелкие операции, не применяя действия крупными силами, дабы сохранить собственные».

Однако ход событий в Европе и в Азии требовал активизации антияпонской войны китайского народа, чтобы сорвать завоевание Китая японским милитаризмом и предотвратить вступление Японии в войну против СССР. Это соответствовало не только интересам Советского Союза, но и интересам других свободолюбивых народов и в особенности китайского народа. Это хорошо понимало большинство членов КПК и прежде всего видные коммунисты-интернационалисты в руководстве партии.

С других, националистических, позиций подошли к этой жгучей проблеме Мао Цзэ-дун и его сторонники.

Используя международную обстановку, при которой части японской армии оказались занятыми борьбой с США и Англией, а миллионная квантунская армия была прикована к границам СССР, Мао Цзэ-дун и его сторонники навязывали партии тактику пассивного ведения войны, сохраняя и накапливая свои силы в ожидании благоприятного момента для захвата власти в стране. Мао Цзэ-дун делал все для того, чтобы уйти от прямого военного столкновения с японскими интервентами, стремившимися поработить китайский народ и предпринимавшими решительные шаги для вторжения в СССР.

«С болью в сердце,— отметил П. Владимиров,— наблюдаешь за поведением руководства КПК. Обстановка для СССР критическая, а руководству КПК это безразлично. Их действия, точнее бездействие, явно поощряют самураев к форсированию военной подготовки на наших границах».

Однако тактика Мао Цзэ-дуна меняется вместе с изменением обстановки на советско-германском фронте. Крупные повороты второй

---

[1] П. П. Владимиров «Особый район Китая. 1942—1945». (Подготовлено к печати Ю. П. Власовым.) Издательство Агентства печати «Новости». 1973.

мировой войны раскрывают и политический облик Мао Цзэ-дуна. В результате успешного наступления советских войск по всему фронту Мао переключается на игру с Советским Союзом.

«Последние события доказывают,— отметил П. Владимиров,— что Мао Цзэ-дун и его сторонники спешно перестраиваются и затевают нечестную игру с Советским Союзом... Я чувствую глубокую и затаенную неприязнь ко мне председателя ЦК КПК (я знаю слишком много!), но он мастерски разыгрывает роль искреннего друга. Для него и всех остальных я почетный гость. Меня всячески обхаживают и подчеркивают, что я «свой человек»...»

Но Петр Владимиров, будучи незаурядным человеком, преданным делу своей партии, обладая большой принципиальностью, приходит к выводу, что Мао лжив во всем — и в «мелочах» и в большом. Мы это прослеживаем в дневниках П. Владимирова, в которых день за днем записывались факты двурушничества, предательства и коварства Мао Цзэ-дуна. В борьбе за власть тот избирает путь политических спекуляций.

Он срывает куш даже с тех, кого называет «братьями по классу», не гнушаясь демонстрацией заплат на своей одежде. И ему плевать, что его «братья по классу» истекают кровью.

Он «рассматривает Советский Союз,— заключает П. Владимиров,— не в качестве идейного союзника и друга, а как попутчика, которого следует любыми средствами «доить»...»

«О какой интернациональной политике тут говорить,— записывает далее П. Владимиров,— ежели для Мао Цзэ-дуна и собственный народ — всего лишь материал в борьбе за власть! Кровь, страдания, беды миллионов для него понятия абстрактные». В борьбе за власть Мао Цзэ-дун изобретает различные кампании. Чтобы подменить марксизм-ленинизм «идеями Мао Цзэ-дуна» и расправиться с китайскими коммунистами-интернационалистами, которых обвиняли в «верности Москве», Мао и его сторонники развернули так называемое «движение за упорядочение стиля работы» — «чжэнфын».

«Чжэнфын», смыслом которого провозглашалась борьба против различных проявлений сектантства, на деле представлял собой борьбу маоистов за организационное и политическое подчинение себе всей партии и армии. Это был замаскированный заговор против Коммунистической партии Китая и Коминтерна.

Главный удар Мао Цзэ-дун наносит по так называемой «московской группе». Создается нетерпимая обстановка вокруг тех, что учился или работал в Москве и особенно если был связан с Коминтерном.

В ходе «чжэнфына» проводилась «духовная чистка», «промывание мозгов», в больших масштабах осуществлялся террор. И все это делалось во имя замены марксизма-ленинизма «идеями Мао Цзэ-дуна» или так называемым «китаизированным марксизмом». Естественно, истинные намерения Мао Цзэ-дуна и его сторонников были скрыты от рядовых коммунистов, кадровых работников политической демагогией, псевдореволюционной фразеологией. Эта антипартийная, антисоветская, антикоминтерновская кампания внешне прикрывалась названием движения за упорядочение стиля работы.

Анализируя дневники очевидца, еще и еще раз убеждаемся в том, как автор день за днем приходил к пониманию того, что тогда происходило в руководстве КПК, к пониманию подлинного облика маоизма.

Общаясь с Мао Цзэ-дуном и его окружением, П. Владимиров убеждается, что тот

«страшится принципа демократического централизма, который ставит его в равные условия со всеми коммунистами. В этом тоже одна из причин его неприязни к марксизму-ленинизму...» «Философский и теоретический уровень Мао — это примитивный материализм. Демократический инстинкт низов всегда представлял для него опасность. Партийная полемика и общение с массами для Мао — прежде всего вопрос престижа. Посему партийные низы он выдрессировал чжэнфыном, дабы любое слово свое сделать непреложной истиной... Мао подавляет всех жгучим желанием власти. Все его «теоретизирования» лишь прикрывают одержимость этой идеей». Все интернациональное, что воплощал собой Коминтерн и что способствовало развитию социалистического движения в Китае, для Мао Цзэ-дуна «только путы или тактические условности. Теперь это воплощает собой Москва».

Принятое в мае 1943 года решение о роспуске Коминтерна вызвало у маоистов новый взрыв национализма. Мао Цзэ-дун и его сторонники стремились всячески умалить плодотворную деятельность Коминтерна, способствовавшую созданию КПК, воспитанию кадров китайских коммунистов-интернационалистов. Впоследствии Мао Цзэ-дун с предельной откровенностью высказал свое отрицательное отношение к Коминтерну.

Советские товарищи вместе с экипажем ТБ-3, доставившего П. Владимирова в Яньань.

Он воспользовался роспуском Коминтерна для еще более глубокого насаждения своих националистических взглядов в партии, для подавления китайских коммунистов-интернационалистов, для утверждения своей личной власти.

Расправившись с «московской оппозицией» и оболгав действия Коминтерна, Мао Цзэ-дун вырабатывает свою мелкобуржуазную философию — националистический «марксизм реальности».

«Крайнее выражение философии мелкого собственника со всеми его националистическими амбициями». В нем «бродит» этакая собственническая деревенская закваска... Марксизм в его сознании трансформировался в мелкобуржуазный «крестьянский марксизм»,— вот как характеризует П. Владимиров эту «философию».

Убедившемуся в непостоянстве, непоследовательности маоистов, в их шараханье от ультрареволюционных призывов до крайне правых предательских выступлений, в великодержавной напыщенности, неспособности видеть вещи в их реальном свете,— оправданной ли представлялась Петру Владимирову помощь Советского Союза Китаю, его коммунистической партии? П. Владимиров, проживший долгие годы в Китае, прекрасно понимал, что будущее Китая не за Мао Цзэ-дуном и его сторонниками, а за марксистами-интернационалистами. Об этом свидетельствует следующая запись в дневнике:

«Я верю и вижу — есть такие силы. Убеждение через силу, произвол чжэнфына не становится их верой, не может быть верой. Из крупиц, из частиц выкристаллизуется правда. Та правда, которую не убедило, не убеждает и не убедит насилие...

Можно обманывать год, десять лет, двадцать, но не всегда!..

Китайский народ ищет правду. Великая революция, которая потрясает Китай,— это поиски правды, и народ ее обретет...

И я снова пишу слова: «Верьте, в мире есть такие люди, за ними будущее!»

Вот почему коммунист-интернационалист считал оправданной нашу помощь Коммунистической партии Китая.

«Поддержка КПК,— записал он,— есть поддержка китайской революции и китайского народа, сражающегося против своих и иноземных угнетателей... Для ВКП(б) борьба китайского народа против японского фашизма, феодальной, капиталистической и иностранной кабалы — его священное право, а помощь китайскому народу — великая интернациональная миссия».

Советский Союз, верный своему интернационалистскому долгу, оказывал бескорыстную помощь китайскому народу, обеспечивая успешное продвижение КНР к социализму. И советский народ не отождествляет КПК и китайский народ с маоистами, которые проводят политику откровенной вражды к Советскому Союзу, объявившими СССР «врагом № 1». Постоянно твердя о «советской угрозе», Мао Цзэ-дун и его подручные совершают величайшее классовое предательство не только по отношению к революционным силам современности, но и в первую очередь по отношению к китайскому народу.

Книга коммуниста-интернационалиста П. Владимирова рисует подлинную картину истории КПК того периода, беспощадно разоблачает антинародную и антисоциалистическую политику Мао Цзэ-дуна и его окружения.

На чествовании руководителя «союзнической миссии наблюдателей» американского полковника Баррэта. Крайний справа — Мао Цзэ-дун.

АФЕРИСТЫ

В. ЮДИН,
заместитель министра внутренних дел Молдавской ССР

Сети их были раскинуты широко: в Кишиневе и Николаеве, Киеве и Львове, Алма-Ате и Фрунзе, Тирасполе и Бендерах. А сами аферисты оставались неуловимыми. Уже зарегистрировано более десяти поддельных билетов денежно-вещевой лотереи, на которые якобы выпали самые крупные выигрыши — автомобили «Москвич» и «Запорожец». Уже были подшиты к делу более десяти заявлений пострадавших — по разным причинам эти разные люди, по-разному определившие свое место в обществе и свое отношение к труду, платили бешеные деньги за лотерейный билет, дававший право на получение автомобиля, и никто не задаст тебе ядовитого вопроса: где такие деньги взял? Сберкасса, куда приходили продавец и покупатель «счастливого» билета, подтверждала: «Да, на этот билет выпал такой большой выигрыш». Продавец получал свои несколько тысяч рублей и бесследно исчезал из города, а покупатель с нетерпением ждал, когда, согласно существующему порядку, экспертиза подтвердит, что предъявитель билета может получить автомобиль. И вдруг — о ужас! Афера! Пропали денежки...

Сначала эта драма разыгралась в Кишиневе. Первый акт — на рынке, где приятель Юрия Саркисовича Тоняна бойко торговал грузинскими мандаринами и апельсинами. Последний акт — в кабинете К. Евдокимова, начальника следственного отдела управления внутренних дел Кишинева, где Тонян рассказывал, как это все произошло. На рынке к его приятелю подошел некий гражданин и шепотом, озираясь по сторонам, сказал: «Есть билет, выигравший «Москвич». И совсем недорого — девять тысяч». Рыбак рыбака увидел издалека. Продавца цитрусов такая цена не смутила, но вот беда: у него сейчас нет с собой таких денег. А вот друг его, пожалуй, сможет уплатить наличными. И через несколько минут он привел Юрия Саркисовича Тоняна, готового немедленно выложить девять тысяч за драгоценный билет.

— Где он у вас? Показывайте...

— Что вы, разве можно такие вещи при себе держать... Да еще когда на рынок идешь.

Условились через полчаса встретиться в ближайшей сберкассе. Кассир, сверив билет с таблицей, подтвердил: «Да, все в порядке. Только большие выигрыши выдаются лишь после экспертизы. Загляните к нам через несколько дней».

Вечером сделка была оформлена и обмыта. Продавец, получив девять тысяч, тепло попрощался и оставил свой адрес: «Я тут недалеко от Кишинева живу... Город Бендеры, Большой проспект, 49... Если окажетесь в Бендерах — милости прошу. На новом «Москвиче»...

А через несколько дней грянул гром. Явившемуся в сберкассу Тоняну сказали: «Ваш билет поддельный!» Это не было установлено экспертами сразу же: аферисты сработали чисто. Но кто-то из экспертов вспомнил, что такой же билет совсем недавно был погашен. Двух выигрышей по одному билету быть не может. Более тщательная экспертиза установила, что налицо фальшивка.

Так в следственном отделе управления внутренних дел Кишинева было заведено дело о неизвестном аферисте. Дело со многими неизвестными. Тонян помочь следователю не может — он так обрадовался возможности «легально» купить автомобиль за девять тысяч, что не запомнил лицо афериста или какие-нибудь характерные приметы. Адрес в Бендерах, конечно, оказался липовым. Аферист исчез, не оставив никаких следов. Но уголовное дело, возбужденное в Кишиневе, вскоре получило свое дальнейшее развитие. Аферист отправился на гастроли по городам и весям страны.

...Тариель Читидзе приехал в Киев на «легкие заработки». Нет нужды анализировать, чем он занимался в украинской столице. Известно лишь, что дела у него шли столь хорошо, что он начал помышлять о собственном выезде. Мечтал о «Волге». Но ждать, пока подойдет очередь, долго. Да еще спросят: «Откуда взял деньги на такую машину?» Придется доказывать, а доказательства нужны убедительные. И вдруг такая удача! С ним познакомились двое — научные работники. Накануне недавно состоявшегося тиража денежно-вещевой лотереи «научным деятелям» в магазине вместо сдачи дали три лотерейных билета. И вот представьте — выиграли «Москвич». Разделить машину невозможно, а билет за приличную сумму уступить могут. Читидзе обрадовался. И сделка состоялась. «Я вам — девять тысяч, вы мне — билет». А дальше все шло по кишиневскому варианту. Визит в сберкассу. «Да, выиграл!» Экспертиза: «Нет, это фальшивка». Плакали денежки, плакал и сам Читидзе: ему пришлось все же объяснять, откуда у него такие деньги.

Так в уголовном деле, которое завел кишиневский следователь, появилось еще несколько страниц. Догадаться, что это — дело рук одних и тех же лиц, было нетрудно: манера изготовления фальшивки, метод сбыта — все говорило о почерке одного и того же афериста, а может, и аферистов. Со слов Читидзе уже можно было «нарисовать» их портреты. Они были разосланы во многие города страны. И казалось, что милиция вот-вот выйдет на след. Но именно та простота, с которой действовали преступники, и полное отсутствие конспирации путали карты. Поиск осложнялся и таким психологическим обстоятельством: аферисты находили людей, которые сами помогали им. Каждому честному человеку должна показаться сомнительной такая сделка — купля-продажа «счастливых» лотерейных билетов за дорогую цену. Но аферисты старались «выходить» на нечестных. И им это удавалось. Их клиенты появлялись в милиции уже в качестве потерпевших...

А дело, заведенное кишиневским следователем, росло, пухло.

...В Алма-Ате был «обработан» некий Мугруш Караев. Познакомившись с ним и разведав его финансовые дела, один из аферистов сообщил ему, что приехал на лечение к известному врачу-окулисту,— у преступника действительно бельмо на глазу. А через несколько дней он пришел к Караеву с радостной вестью: на случайно купленный лотерейный билет пал главный выигрыш — «Москвич». Но, увы, из-за плохого зрения автоинспекция никогда не разрешит ему водить машину. Придется продать «счастливый» билет. И Мугруш Караев сам полез в силок.

— Не огорчайся, дорогой друг. Выручу... Куплю твой билет.

За восемь тысяч рублей Караев стал обладателем бумажки, которая принесла ему несчастье и позор: все родственники потешались над тем, как обмишулился «умница» Мугруш.

Затем на несколько месяцев аферисты утихли. И следователь кишиневской милиции решил: видимо, угомонились, а может, осваивают капиталы... Позже станет известно, что затишье наступило совсем по другой причине: дельцы поссорились, не поделили добычу, разошлись в оценке меры своего риска. И тот, кто был за «главного», стал подыскивать других компаньонов.

Пройдет несколько месяцев, и к следователю в Кишинев снова хлынут сообщения о фальшивых лотерейных билетах, предъявленных в сберкассы городов Николаев, Херсон, Запорожье, Ош... Тщательно анализируя все эти сообщения, сотрудники милиции пришли к выводу, что аферисты базируются в Одессе. Только там они почему-то не «наследили». Уже разрабатывался план выхода на группу преступников. Но случилось то, что и должно было случиться. Аферисты просчитались.

Пришло сообщение: в Кишиневе продан фальшивый билет. Продавщица — женщина. Всем сберегательным кассам Кишинева была дана команда усилить бдительность. Места, где продаются частные машины, взяты под более тщательный контроль милиции. И вот на кишиневском вещевом рынке было установлено наблюдение за женщиной, которая по внешности похожа на ту, что продавала билеты. Она долго что-то обсуждала с местным жителем Михаилом Рекицановым — его фамилию установили позже. Затем они отправились в городскую сберегательную кассу. Женщина предъявила контролеру билет: «Я выиграла автомобиль «Запорожец». Контролер тепло поздравила владелицу билета, но попросила задержаться на несколько минут, ей надо проконсультироваться с заведующей. Она вышла в другую комнату, чтобы позвонить в милицию. Но звонить не пришлось: сотрудники уголовного розыска были уже здесь.

При первом же допросе Л. Пискун, продавщица продовольственного магазина № 38 в Одессе, заявила, что купила билет в киоске. Проверили. Выяснилось, что киоск билетами этой серии не торговал. На втором допросе появилась новая версия: купила билет с рук. Но и это не подтвердилось. На третьем допросе она во всем призналась и назвала имена своих сообщников.

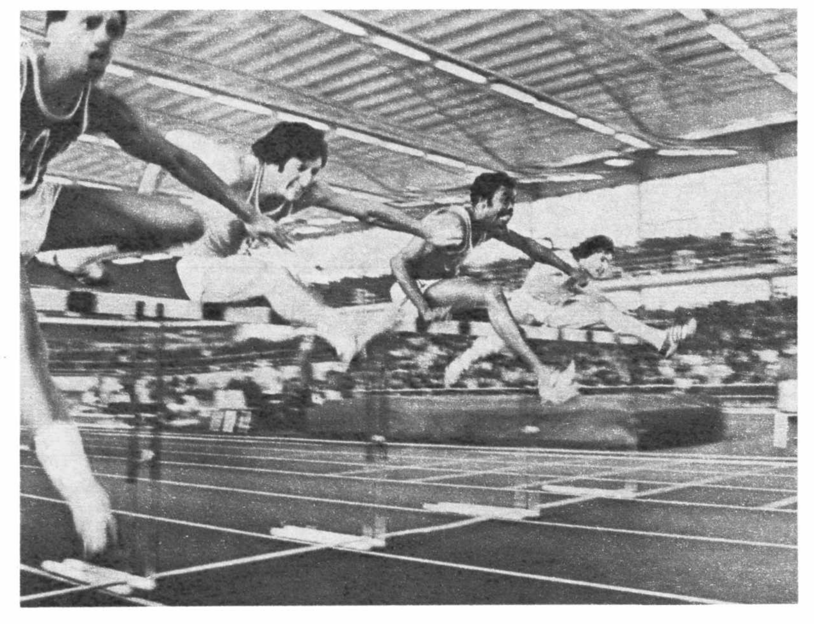
...Все началось с того, что одесский художник Михаил Зародыш попал... под проливной дождь. В кармане у него лежал билет денежно-вещевой лотереи. Бумажка «раскисла». На следующий день художник попытался восстановить свой билет. «Ремонт» удался. И тогда пробивавшийся случайными заработками художник сделал из этой удачной операции далеко идущие выводы: если можно «отремонтировать» билет, то почему не попытаться изготовить таким же манером другой, с нужной серией, со счастливым номером, на который пал крупный выигрыш? Период экспериментаторства длился недолго. Быстро нашелся и партнер — инвалид, опытный одесский спекулянт Николай Казанцев. И вот уже Зародыш демонстрирует другу мастерски сработанный фальшивый билет, который никак не отличишь от того, настоящего, что выиграл холодильник. Казанцев долго и тщательно изучал творение художника. Чистая работа! Не нашел изъяна и эксперт сберкассы, куда билет этот предъявил парнишка, нанятый напарниками за 10 рублей: сами они не отважились идти на такое дело.

В тот день Зародыш и Казанцев устроили грандиозную попойку. И не потому, что появились шальные деньги. Обмывался успешно сданный экзамен — впереди маячили крупные выигрыши: автомашины.

Фирма начала действовать. С фальшивым билетом молдавской денежно-вещевой лотереи, якобы выигравшим машину «Москвич», они отправились в Кишинев. Чем закончилась эта их первая операция, читатель уже знает. Знает он и о том, чем кончилась ссора двух аферистов. Казанцев ушел «в отставку» и стал прожигать свои капиталы, а Зародыш нашел новых компаньонов — инструктора по лечебной физкультуре в Одесском санатории инвалидов Отечественной войны Виктора Сиркова и продавщицу продовольственного магазина Людмилу Пискун. С ними он и гастролировал по разным республикам. «Технология» изготовления фальшивых билетов не блистала оригинальностью. А покупатели легко отыскивались на рынках, в гостиницах: в Херсоне — Михаил Щербина, в Бендерах — Исаак Копетман... Для безопасности аферисты изготавливали поддельные паспорта — это на случай, если покупатель потребует предъявить документ.

Шайка аферистов за период с апреля 1971 года по декабрь 1972-го изготовила и сбыла 15 фальшивых билетов, якобы выигравших автомобили «Москвич» и «Запорожец». При аресте у Зародыша изъяли 23 тысячи рублей. Несколько меньше — у Сиркова. А когда сотрудники милиции явились к Казанцеву, он заявил: «Давно жду вас... А насчет денежек — увольте...» При обыске у него было изъято... четыре рубля. Он успел растранжирить все свои нечестно нажитые деньги.

Верховный суд Молдавской ССР рассмотрел это уголовное дело. М. У. Зародыш приговорен к лишению свободы на 12 лет с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, Н. П. Казанцев — к лишению свободы на 10 лет, В. И. Сирков — на 10 лет, Л. В. Пискун — на 5 лет.

На дистанции барьерного бега.

Фото А. Бочинина.

ЗИМА НЕ ПОМЕХА

Зимние соревнования легкоатлетов получают все большее развитие. Вот уже несколько лет проводятся чемпионаты Европы, а теперь к ним прибавились и матчи сильнейших легкоатлетов двух стран — СССР и США. Первая встреча состоялась в 1972 году в Ричмонде и закончилась победой спортсменов США, вторая — там же принесла успех советским спортсменам. И вот третья встреча, на сей раз в Москве, на зимнем стадионе имени братьев Знаменских. Интересная, яркая борьба продолжалась пять часов и закончилась победой советской команды со счетом 158 : 124. Надежда Чижова установила новое мировое достижение в толкании ядра — 20 метров 40 сантиметров.

Команда советских биатлонистов — чемпионы мира Н. Круглов, Ю. Колмаков, А. Привалов (тренер), А. Ушаков, А. Тихонов.

Фото Ю. Моргулиса.

НАКОНЕЦ-ТО ПОБЕДА!

Четырнадцать лыжников стремительно стартовали. Дистанция невелика, и нужно было сразу брать высокий темп. Так начался под Минском заключительный день соревнований чемпионата мира по биатлону 1974 года — мужская эстафета 4×7,5 км. От советской команды на первом этапе шел Александр Ушаков. Он пробежал свой этап просто блестяще, показав лучшее время дня, по-снайперски поражал мишени, не получив ни одного штрафного круга. Можно сказать, что ижевский спортсмен заложил основу победы в эстафете. Великолепно провел второй этап капитан советской команды, заслуженный мастер спорта Александр Тихонов. Под стать первым двум оказался и третий участник команды — Юрий Колмаков: он тоже не уступил никому лыжню и стрелял отменно.

Трудно сложился путь к финишу, которым шел Николай Круглов. Четыре штрафных круга за промахи в стрельбе... Был момент, когда казалось, что финн Хейкки Икола перечеркнет золотую заявку Ушакова, Тихонова и Колмакова. Однако Николай показал настоящий бойцовский характер, не дрогнул и финишировал первым. Это была вторая и последняя золотая медаль, до этого успеха добился лишь наш юниор Сергей Хохуля в 15-километровой гонке.

Не мало ли этого для сильнейшей команды мира?

А. ЩЕРБАКОВ.
Минск, по телефону.

Владимир КОТОВ

ЧУДЕСНАЯ ВЗАИМНОСТЬ

Снежок весенний тихо таял.
Цветы пока что не цвели.
Шли три приятеля, болтая.
Шли, шли...
И вдруг в кафе зашли.
И вот приятели,
коллеги,
в предпраздничной горячке
вдруг
решили выпить
(в кои веки!)
за милых жен — своих подруг...
Потом на ум пришла мыслишка.
А что?..
Компания под стать!
Мы хороши еще не слишком,
да денег где б еще достать...
И были три лица —
легко ли? —
раздумьями искажены.
И вот друзья сказали Коле:
— А попроси-ка
у жены!
Ведь у тебя жена, пожалуй,
умней других...
а ты горазд!
— Умней!..
Как наподдаст нам жару!
— Не наподдаст!
— Ой, наподдаст!
С женой своей на обостренье
всегда ль с охотою пойдешь?
Но подступило нас-тро-енье,
и вечер был почти хорош!
И вот не посидеть, как люди,
не поболтать начистоту?!
И Коля вдруг:
— А, будь что будет!
Все расскажу, как есть! Пойду!
Тут действие меняет место
и колорит его иной.
Друзья стояли у подъезда,
а он стоял
перед женой.
Стоял и тая и бледнея,
как перед солнышком луна.
Не перед богом — перед нею!
Да, бога нет, но есть жена!
За достоверность этой сценки,
друзья, ручаюсь головой.
Жена сказала:
— На! Вот деньги.
И не волнуйся, дорогой.
Побудь с друзьями,
побеседуй.
Общенье — свет! Имей в виду!
Да только на меня не сетуй,
что я не с вами...
Дома жду...
И он не спит? Все точно?
Или...
Друзья, когда он рассказал,
еще не веря,
вдруг, как были,
увидев деньги, вмиг схватили
такси и разом:
«На базар!»
К чему сидеть — советь в буфете?
Хлестать спиртное? Ну уж нет!
На деньги сказочные эти
мы купим
сказочный
букет!
Все, что в загашниках таили,
здесь вмиг, сияя, извлекли
и все наличные сложили,
букет
невиданный
купили,
и привезли,
и поднесли
чудесной Колиной жене!
Все было так!
Поверьте мне!
Есть много праздников прекрасных
и в каждом доме и в стране,
но женский праздник —
это праздник
чудес
таких разнообразных,
что
не приснятся
и во сне!

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Редакция получила много откликов на очерк И. Месхи «Человек спас человека...» (№ 41, 1973 г.).

Читатели продолжают разговор о подвиге Наташи.

* * *

Наташа поступила геройски. Она совершила подвиг в 13 лет, оставшись инвалидом. Я преклоняюсь перед ее душевной красотой. Я инвалид войны, но подвигов не совершала, была санинструктором в стрелковом батальоне.

В марте 1945 года в боях за Данциг я была тяжело ранена, находилась в госпиталях три с половиной года. Быть женщине инвалидом очень трудно не только физически, но и морально. Уж что говорить о детях, когда взрослые часто бросают вслед: «А вон та Анька хромая»! А если еще и муж стесняется с тобою ходить, тут уж всегда сердце обожжено.

Я пожизненно инвалид Отечественной войны II группы. У других инвалидов раны зажили, не видны, а мне война навсегда оставила свои следы. Иногда бывает так трудно, что я еле сдерживаюсь. Желаю всем женщинам-инвалидам, и фронтовичкам, и тем, кто в мирное время совершил подвиг, огромного счастья, душевного покоя, радости и удовлетворения жизнью.

Инвалид Отечественной войны **А. ИВАНОВА**
г. Ворошиловград.

* * *

Хотя я и не имею отношения к тем, кто совершил подвиг, но знаю, что с физическим изъяном жить труднее, и меня удивляют и возмущают те люди, которые останавливаются и с открытым ртом смотрят вслед искалеченным. Надо отучать от этого и взрослых и детей.

Я за то, чтобы тех, кто совершил подвиг в мирное время, награждать нагрудным знаком, который пусть называется ПОДВИГ — лучше и не скажешь!

Тогда мальчишки и девчонки захотят узнать о подвиге, и в сердцах у них прорастут зерна сочувствия, благородства, гордости и мужества!

Л. ЗОРКАЯ
г. Бельцы.

* * *

Прошу вас: не подумайте, что я хочу, чтоб обо мне узнали. Нет. В 16 лет я дала кровь человеку, который выстрелил в себя. Он поправился, а я после этого заболела. Врачи объяснили его жене и матери, чтобы они меня поддержали хорошим питанием, а они этого не сделали, даже не сказали «спасибо». Прошло 16 лет, здоровье мое стало лучше, у меня семья, муж, трое детей. Живу я хорошо, но забыть тот случай не могу.

Наташа, не падайте духом! А Саша пусть не стесняется, а, наоборот, гордится вами. Может, я что написала не так, извините, пишу впервые.

Гала В.
Кзыл-Ординская обл.

* * *

Прочитала статью И. Месхи «Человек спас человека...» и захотелось рассказать о человеке большой силы воли. Ведь не все, что называется подвигом, именно заключается в проявленном геройстве. Выжить, быть человеком — тоже подвиг.

Неля в 13 лет заболела полиомиелитом и была парализована. Годы борьбы за жизнь, упорное лечение постепенно возвращали силы. Неля поднялась, стала ходить с костылями. Закончила десятилетку, решила получить высшее образование. Первая попытка поступить в институт чуть не провалилась. Ее не хотели принимать из-за болезни. Неля мечтала быть литератором и своего добилась. Она закончила педагогический институт. Легко сказать: закончила. Годы учебы были сопряжены с колоссальными трудностями. Вставала в шесть утра, чтобы потихонечку добраться до института. Особенно трудно было зимой. Однажды поскользнулась и упала. Мороз. Безлюдно. Пришлось, зажав папку в зубах, буквально ползти до опоры, чтобы подняться. Много сил, мужества и выдержки проявляла и проявляет Неля каждый день.

К ней пришла большая любовь, ради которой Алеша пошел на разрыв с родителями, которые никак не могли примириться с тем, что жена сына тяжело больна. Через год у них была уже и Машенька, которой сейчас 3 года. Может, она со временем узнает, как трудно было парализованной матери дать ей жизнь, как врачи боролись за спасение и матери и дочери.

Неля и Алеша, наверное, самые счастливые, так как их счастье было построено именно на подвиге. У них общие интересы, забота и радость общие. Они любят литературу. У них отличная библиотека.

Я пережила тоже немало в своей жизни и просто преклоняюсь перед такими людьми. И мне от всего сердца хочется пожелать счастья и той женщине — Наташе, которая живет в моем же городе.

Л. КАЛИНИНА
г. Новосибирск.

* * *

Сегодня у меня тяжелый день: меня незаслуженно обидели.

Больше всего в жизни мне запомнился день, когда мы с сестрами, измученные окончательно, еле выползли из леса. В буквальном смысле выползли, так как я была ранена в ногу, идти не могла. Сестры тоже устали. Одной было шесть лет, другой — пять, а мне — девять. Нас на опушке леса встретили советские бойцы, подбежали. С ними была медицинская сестра. Она оказала мне первую помощь. Нас усадили к костру, накормили. Расспросили, откуда мы. Я сказала, что из леса, там находится мама, она убита. Два бойца ушли искать ее.

Мы остались среди своих. Один солдат стал делать мне палочку, на палке из коры вырезал узоры. Он делал это так искусно, что, казалось, он не воевал час назад и не смотрел смерти в глаза, а будто сидел в мирное время на завалинке и не тросточку готовил ребенку, искалеченному войной, а свистульку с радостной трелью. Пока мы сидели у костра, вернулись солдаты, сказали, что похоронили маму. Каждый из бойцов старался успокоить, утешить. Я не запомнила лица бойцов, но руки того, кто вырезал палку, запомнились. Иной раз думается: дошел ли он до дома, принялись ли его руки за мирный труд? Мы долго находились среди наших солдат в госпитале, и каждый старался чем-то облегчить наше горе, боль, все нас звали дочками. Из госпиталя меня взяла одна женщина, пока меня не нашел отец. Потом я долго лечилась в Ленинграде, перенесла много операций, пока стала ходить.

И вот сегодня опять мне вслед сказали «хромая». Ну почему столько черствости?

Э. ПЕТРОВА
Казахская ССР.

* * *

В 1961 году мы строили железную дорогу в Коми АССР Микунь — Котлас. Мой товарищ Виктор Числов вечером уехал в рейс один. Началась пурга, а Виктор все не возвращался. Я поехал искать Виктора. Нашел я его спящим в кабине автомобиля, который забуксовал. Виктора я еле-еле разбудил: он замерзал. Если бы я не приехал на помощь, моего товарища Виктора в живых уже не было бы. Наверное, это тоже благородный поступок, но я хочу сказать не об этом. Со мной-то ничего не произошло, а вот Наташа пострадала за свой подвиг. Считаю, что проходить мимо героических поступков нельзя, и обязательно нужно награждать таких людей. Это может быть медаль с надписью на ней: «Подвиг», «За спасение человека», «За мужество», «Благородный поступок».

В. ИСАКОВ
Оренбургская область.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ

НЕ ПРИНЯЛИ...

Небо было чистое и торжественное, как скатерть перед банкетом. Хотелось петь, танцевать и ходить на свидания. У входа уже была толпа. Я даже ахнул от неожиданности. Подумать только, все эти ребята пришли сдавать! Вот это наплыв!.. А как же я?.. Примут или не примут? Я чувствовал, что при такой конкуренции шансов у меня мало.

До начала оставалось минут десять. Я огляделся по сторонам. Неподалеку какой-то мужчина в очках уткнулся в книжку. Девушка с распущенными волосами, отставив в сторону сумку, нервно гадала на ромашке:

— Сдам... не сдам... сдам... не сдам...

Пожилая женщина с ярко накрашенными губами приставала ко всем с вопросом:

— Вы не знаете, кто сегодня принимает?

Наконец все зашевелились:

— Начали, начали!

Первым сдавал толстяк интеллигентного вида. Вскоре он появился среди нас, сияющий и вспотевший.

— Ну как?! — обступили его.

— Придирался — ужас! То не так, это не этак...

— Да, кому как повезет,— вмешался юноша со следами бессонных ночей под глазами.— Что ни говори, а это просто лотерея!

В разговор включился мужчина с рюкзаком.

— Эх, вот сдам и подамся за город. Меня приятели уже давно дожидаются.

— А я к дяде поеду. Он меня очень уважает...

Но в это время впереди со стуком захлопнулось окошко, и скрипучий мужской голос объявил:

— В связи с нехваткой тары прием посуды на сегодня закончен!

Я раздосадованно плюнул и поплелся со своим чемоданом домой. Опять не приняли!

НЕХОРОШИЙ ГЛАЗ

Все-таки это удивительно, какую власть над людьми искусство имеет! Как с ним соприкоснешься — про все забываешь. Вот хоть вчерашний день взять. Собрался я после работы приятеля навестить. Подхожу к его дому и вижу: к дверям подъезда объявление приколо. Так, мол, и так, сегодня в красном уголке жэка силами артистов эстрады Илюшина и Александро-

вой будет показана литературная композиция «Три музы Генриха Гейне».

Объявление как объявление, я бы, может, и читать-то его не стал. У меня своих забот хватает, а тут еще чужими музами интересоваться? Но только вижу: стоит перед этим тетрадным листочком мой приятель и взгляда от него оторвать не может. Непокрытой головой от радости трясет, а в глазах — слезы. Меня и не замечает. На счастье, тут жена его идет. Подошла к нему, объявление прочитала и вся в улыбке расплылась. Приятель ей и говорит:

— Каково, Маша, а? Признайся, не ожидала ведь такое увидеть?

Жена смехом радостным залилась:

— Коленька, сюрприз-то какой! Вот замечательно! Побегу скорей домой переодеваться.

Жалко мне тут стало самого себя. Вот, думаю, люди полнокровной жизнью живут, искусством увлекаются в свое удовольствие, музами разными, а меня совсем быт заел. Никуда не хожу, ничего не вижу. Не то что в театре, в ГУМе не помню, когда был в последний раз! Ох, нехорошо живу! Неправильно! С завтрашнего дня начинаю новую жизнь. Слово даю!.. Или нет, лучше с понедельника...

В это время приятель наконец от объявления оторвался и меня увидал. Руку протягивает, но душой, чувствуется, еще там где-то, в высоких сферах.

Крепко я ему руку сжал.

— Спасибо, — говорю. — Спасибо, друг! Я перед тобой преклоняюсь. Ты мне глаза открыл.

— О чем ты?! Что я такого сделал?

— Не ты, а искусство сделало! Видел я, как ты это объявление читал и перечитывал, и стало мне по-хорошему завидно. Честно тебе, брат, скажу: я не таков. Далек я от искусства. Но теперь приближусь! Возьмусь за себя. Прямо со следующей недели возьмусь.

Смутился приятель.

— Ну что ты! Есть о чем говорить! Я ведь тоже не очень увлекаюсь... Право, не очень...

— Нет, не утешай меня! Ты благородный человек, я знаю, но утешать не надо. Я своими глазами видел, как ты чуть не плакал возле этого листочка. У меня у самого комок к горлу подступил.

— Ты... не того,— потупился приятель.— Это ведь из-за чего все?.. Я с тобой тоже откровенным буду. Понимаешь, возвращаюсь я с работы и издалека еще вижу, что на дверях объявление висит какое-то. У меня сердце так и упало. В глазах потемнело. Ну, думаю, опять старая история... У нас уже весь дом знает: как на дверях объявление появляется, значит, горячую воду на месяц, а то и на два отключат. Боимся мы объявлений этих, как огня!

А мы с женой как раз сегодня банный день решили устроить. Вот я сначала и расстроился, что сорвется наше мероприятие. А потом, как прочел, такая меня радость охватила, что и сказать тебе не могу. Батюшки, думаю, пронесло! Спасены!

Помолчал, покраснел почему-то и говорит:

— Ты уж извини...

— За что?

— Ну, за то, что я в тебе светлое растоптал... насчет искусства. Я не хотел, так вышло...

— Да ладно,— отвечаю,— чего уж там...

И пошли мы с ним, притихшие, в его квартиру.

А только горячую воду ему в этот день все-таки отключили. Отключили, и все. Без всякого объявления.

Приятель на меня вроде бы даже обиделся.

— Это,— заявляет,— ты во всем виноват! Я тебе доверился, а у тебя, видно, глаз нехороший! И зачем только я перед тобой душу открывал? Весь банный день ты мне сглазил!

ЧУДОДЕЙСТВЕННОЕ СРЕДСТВО

— Выпишите мне дифтолдиметилсалицилат, доктор,— небрежно сказал больной, надевая рубашку.— А то я что-то неважно стал себя чувствовать. Вялость какая-то, апатия...

— Что?! — удивился врач.— Какой салицилат? Зачем? Вам просто нужно витаминов попить. Сейчас я вам рецептик выпишу.

— При чем тут витамины? — перебил пациент.— Выпишите то, что я прошу. Говорят, в одной стране есть врач, который всех лечит только этим дифтолдиметилсалицилатом.

— Нет, дорогой мой,— вздохнул врач,— я не могу вам этого выписать. Вот витамины — пожалуйста.

— Но это же косность! Вы меня еще мало знаете,— с угрозой проговорил пациент.— Я вам покажу!

— Что покажете?!

— Анализы свои покажу! И предупреждаю: если вы мне и тогда не выпишите это лекарство, я в министерство здравоохранения жаловаться буду. Я этого так не оставлю! — И он вышел, хлопнув дверью.

Врач устало откинулся на спинку стула и задумался. Этот человек допекал его давно. То он требовал прописать ему для поднятия тонуса амидопурген, который рекомендовала кассирша булочной. то настаивал на нитроцидофилине, который, как говорили в очереди на трамвайной остановке, значительно улучшает обмен веществ. Теперь вот этот дифтол... Опять будет жалоба. Что бы такое придумать?..

Врач как-то странно улыбнулся и вызвал к себе санитара дядю Васю. Они сидели, запершись в кабинете, минут десять. Врач терпеливо объяснял что-то. Потом написал несколько слов на клочке бумаги, а дядя Вася понимающе кивнул, спрятал бумажку в карман и вышел из кабинета.

...Настырный пациент сдержал обещание. На следующий день пришел с анализами и сел возле кабинета. Народу было немного: две женщины да пожилой мужчина, весьма обрадовавшийся новому собеседнику.

— Вы тоже сюда? За мной будете... Я вот поясницей маюсь,— представился он.— А вы с чем?

— У меня вялость какая-то и аппетит плохой,— отрекомендовался вновь пришедший.

— О,— оживился пожилой пациент,— эту болезнь я знаю. Золовка моя ею мучалась. Уж как ни лечилась, ничего не помогало. Спасибо, один умный человек дал ей порошков каких-то попить. Месяц попила — все как рукой сняло...

— Неужели? — насторожился собеседник.— А что за порошки?

— Порошки чудодейственные. Он ими не одну мою золовку, а пятьсот человек от смерти спас... Где-то ведь у меня и состав был записан.— Он пошарил рукой в кармане и вытащил оттуда клочок бумаги.— Вот, нашел! Твое счастье. Я ведь и записал-то так, на всякий случай.

Но партнер по очереди уже не слушал его. Он лихорадочно переписывал рецепт в свой блокнот...

— Доктор, пропишите мне вот это,— заявил он еще с порога, протягивая врачу раскрытый блокнот.

Врач заглянул в него и нерешительно покачал головой:

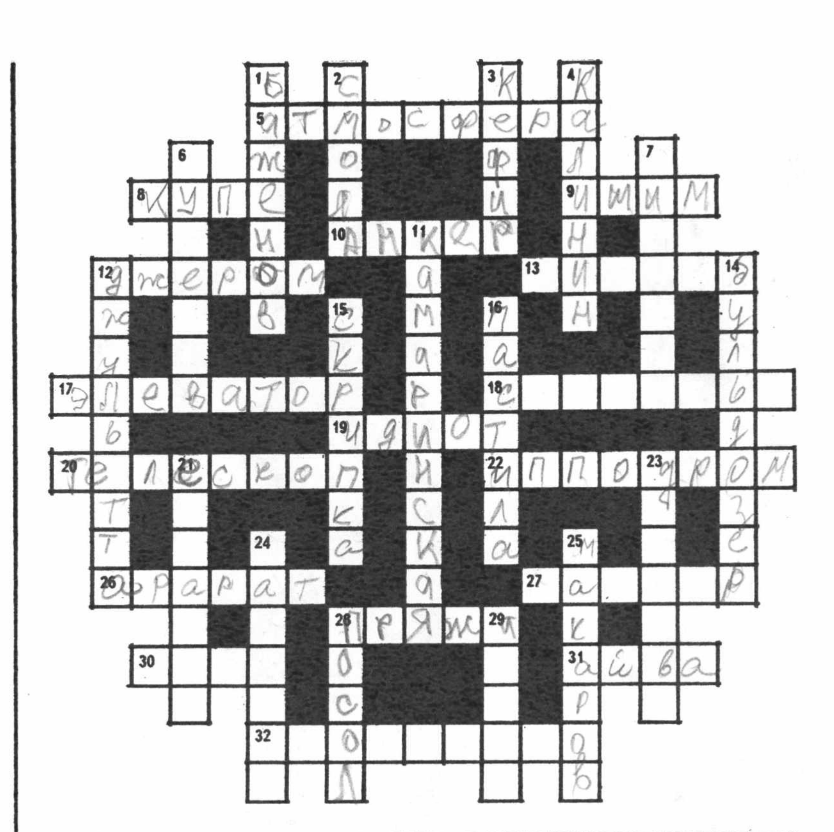
— Право, не знаю... Стоит ли?..

— Доктор, я настаиваю! Этим средством больше тысячи человек вылечилось! И только ваш консерватизм...

— Гм!.. Ну, хорошо, хорошо... Раз вы настаиваете, пусть будет по-вашему. Вот вам рецепт. Пить будете три раза в день. А через месяц зайдите показаться...

Больной торжествующе улыбнулся, взял рецепт и вышел. Вслед за ним вышел в коридор и врач. Он подошел к пожилому мужчине и крепко пожал ему руку.

— Спасибо, дядя Вася! Наша взяла! Прописали-таки мы с тобой ему витамины...

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Газообразная оболочка Земли. 8. Отдельное помещение в вагоне. 9. Приток Оби. 10. Часть ходового механизма часов. 12. Английский писатель-юморист. 13. Выдающийся мореплаватель. 17. Зернохранилище. 18. Река в Средней Азии. 19. Роман Ф. М. Достоевского. 20. Оптический прибор. 22. Место конноспортивных соревнований. 26. Потухший вулкан в Армении. 27. Порода служебных собак. 28. Нить, применяемая для изготовления тканей. 30. Водоплавающая птица. 31. Южное плодовое дерево. 32. Итальянский живописец эпохи Возрождения.

По вертикали: 1. Русский архитектор XVIII века. 2. Сок хвойных растений. 3. Молочный продукт. 4. Областной центр в РСФСР. 6. Персонаж комедии А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 7. Промежуток времени. 11. Русская плясовая песня. 12. Героиня трагедии Шекспира. 14. Землеройная машина. 15. Струнный инструмент. 16. Кондитерское изделие. 21. Опера П. И. Чайковского. 23. Повесть М. Горького. 24. Плоскодонное судно. 25. Советский конструктор автоматического оружия. 28. Дипломатический ранг. 29. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 9. Караганда. 10. Смородина. 11. «Школа». 12. Среда. 13. Эсминец. 14. Невада. 16. Свинец. 17. Лейтенант. 22. Тосканини. 27. Морена. 28. Климат. 29. Область. 30. Океан. 32. Серна. 33. Баскетбол. 34. Циклотрон.

По вертикали: 1. Диагональ. 2. Медведица. 3. Гаршнеп. 4. Фара. 5. Одиссей. 6. Эмблема. 7. Ярус. 8. Антарес. 15. Алушта. 16. «Старик». 18. Танк. 19. Неон. 20. Шоколад. 21.«Телескоп». 23. Собинов. 24. История. 25. Либретто. 26. Кабачок. 31. Нота. 32. Сула.

На первой странице обложки: Целинные земли навсегда остались краем молодости. На снимке — будущие бухгалтеры-экономисты Надежда Левченко и Любовь Машковская на практике в алтайском совхозе «Кулундинский».

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

На последней странице обложки: Последний снег.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

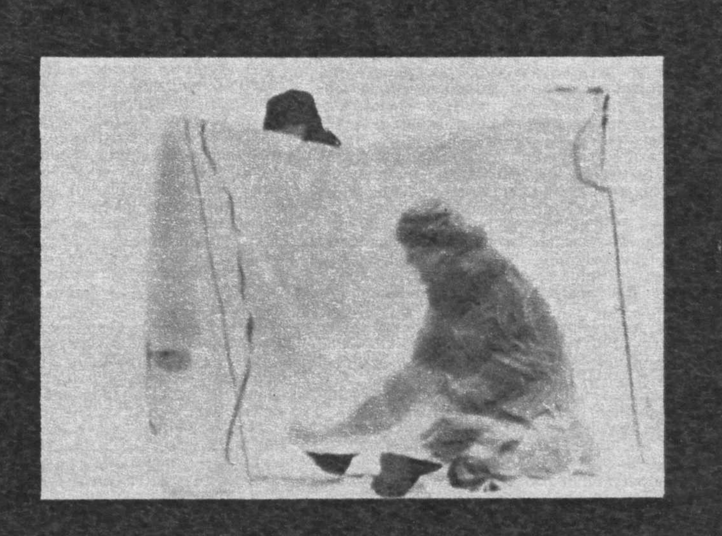
Сдано в набор 18/II — 74 г. А 00529. Подп. к печ. 4/III — 74 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 697. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1861.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВОКРУГ ЛУН

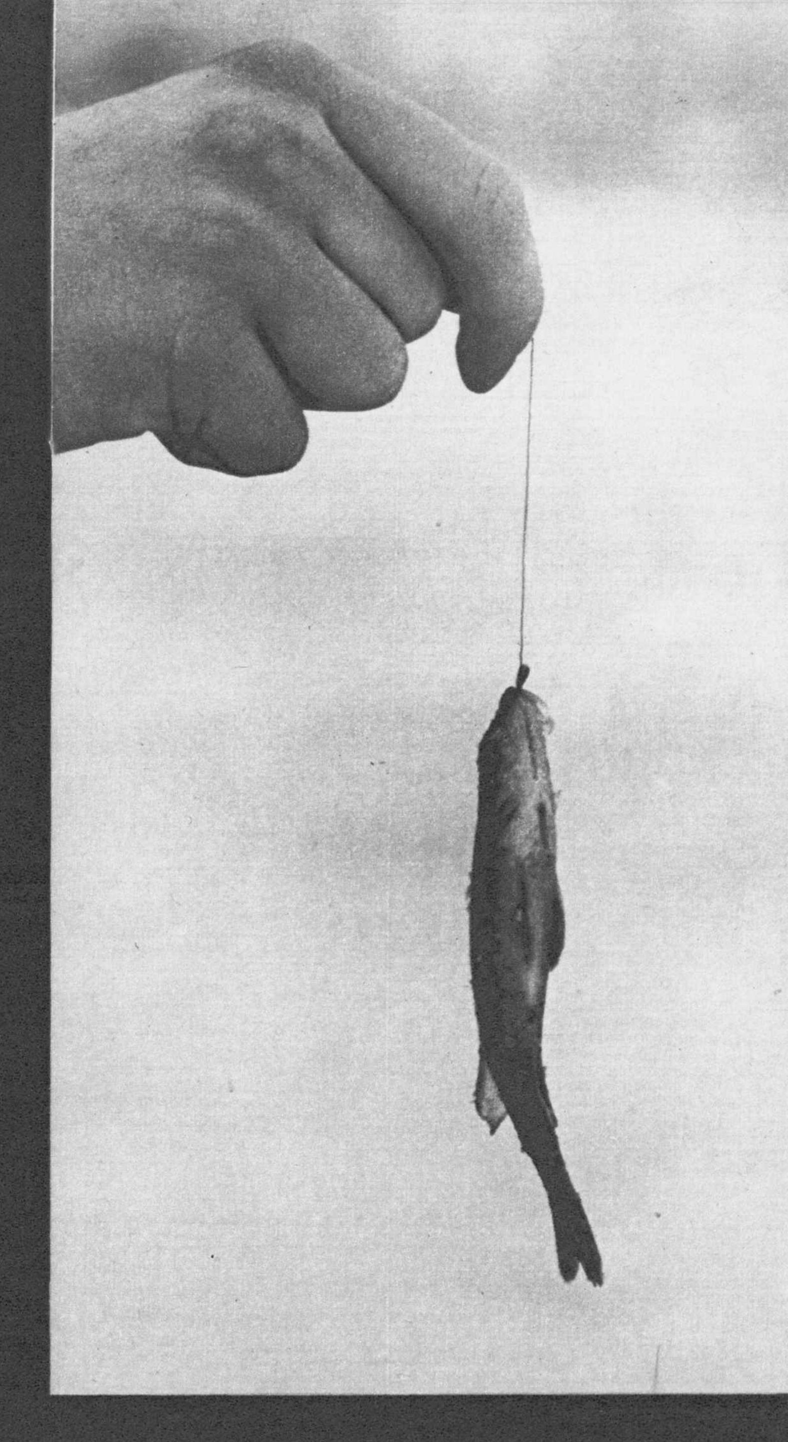

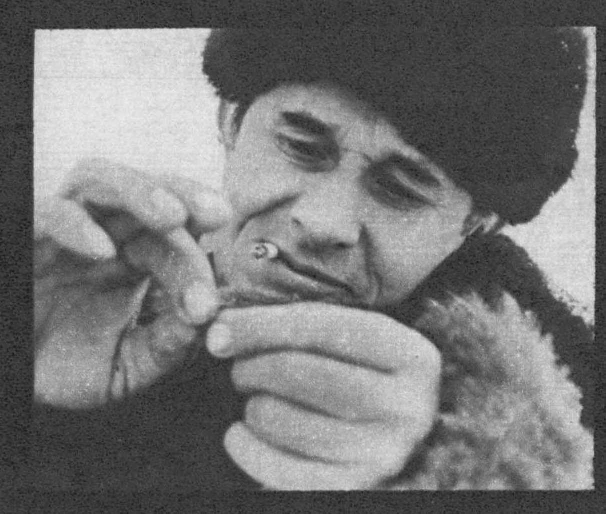
К И

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

Уж, казалось бы, на что хорошо прячется рыбка зимой, панцирем ледовым от рыбака отгораживается, ан нет — он тут как тут! Наловчился какой-то кочергой дырки во льду сверлить, племя рыбье беспокоить. И ведь ночи может не спать! Соберутся такие компанией — и на последней электричке прикатят. Передремлют чуток на станции и до света уже на льду... Еще и семьями едут! Не зря говорят в народе: «Отец рыбак, и дитя в воду смотрит».

Спросили мы одну малявку, лет четырех, что вокруг папы кружилась да в лунку заглядывала: «Ну как, ловится!» А она нам в ответ: «Уже было две поклевки». Вот это эрудиция! Правда, по нашим наблюдениям, ловится нынче не так чтобы навалом — то ли спит рыбка, то ли, наоборот, не дремлет. А может, и перевелась. Бывает и летом: смотришь порой на рыбацкое долготерпение и удивляешься, почему они ловят даже там, где рыбы заведомо быть не может. Если и попадется одна на весь табор — событие. Значит, наверное, не в рыбе дело! А тогда в чем же! Мы уже догадались, в чем именно, а если кому тоже интересно— наш совет: побывайте там, где высадился рыбачий десант, подышите речным морозцем, поучитесь выдержке и способности к размышлению, и станет вам ясно: не рыбой единой хороша рыбалка.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663